

е (Туркм)
2-93

КЕРИМ КУРБАННЕПЕСОВ

**РАДИ
ДОБРОТЫ**

61 коп.

КЕРИМ КУРБАННЕПЕСОВ

**РАДИ
ДОБРОТЫ**

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Перевод с туркменского

Москва

«Художественная литература»

1974

С(Туркм)2
К93

Вступительная статья
Ю. ГОРДИЕНКО

Оформление
Н ГРЕБНЕВОЙ

К $\frac{70403-070}{028(01)-74}123-74$

О КРОНЕ И КОРНЯХ

Удивительным, почти неправдоподобным представляется начало творческого пути известного теперь не только всей Туркмении, но и всесоюзному читателю поэта Керима Курбаннепесова. Первые свои стихи он писал так, как писали тысячелетия назад люди ассииро-вавилонской культуры, писцы Шумера и Аккада: стороживший бахчу на краю Каракумов подросток приносил к своему шалашу с ближайшего такыра — высохшего и потрескавшегося дна мелкого озера — плоские глиняные плитки и, позабыв о вверенных его попечению дынях и арбузах, гвоздем выцарапывал на этих созданных самой природой «страницах» свои первые рифмованные строки.

Шла Великая Отечественная война советского народа, и чистого листа писчей бумаги давно уже не видели даже в сельском Совете, не говоря уже о затерянной в степи одинокой бахче.

Но так велика очарованность миром в четырнадцать—пятнадцать лет (поэт родился в 1929 г.), так глубока вера в свои силы, так густо роятся вокруг тебя образы и сравнения, так упоительна музыка стиха, что гвоздь казался прекрасным стилем, а писалось на плитке простой глины так вдохновенно, как не пишется порой и на атласной бумаге...

Рядом с тростниковым шалашом Керима вскоре выросла горка глиняных табличек — целое собрание его юношеских сочинений, и проезжавшие мимо верхом на осликах или в двуколках знакомые чабаны и дехкане брали с собой — сначала добро-

душно усмехаясь, потом с удивлением и уважением к автору-подростку — эти «глиняные книги» из придорожной «библиотеки».

Мужая, будущий поэт сменил немало занятий: был колхозником, районным библиотекарем, строил Тедженское водохранилище, служил солдатом, а позже, став писателем, побывал во многих наших республиках и за границей — в Сирии, в Ливане.

Общение с людьми разных профессий, национальностей и социальных слоев обогащало знанием жизни с ее переменами, движением, светом и тенью, учило уважению к человеку — к маленькому и большому, к старшему годами и опытом и к младшему, делавшему первые шаги в нашем стремительно меняющемся мире. Вот строки из не вошедшего в эту книгу стихотворения о сыне:

— Жемчуг — на солнце, лев — на луне,—
Дед мой когда-то говаривал мне.
Думал народ: поговорка права,
Лунные пятна похожи на льва.

.
Если скажу я: — Лев — на луне, —
Нынче мой сын не поверит мне;
Даже поправит отца, осмелев:
— Вымпел теперь на луне, а не лев.

Вспоминая своего отца, первого наставника, также сочинявшего стихи, поэт выделяет в его портрете черту, которая станет одной из основных и в нем самом, в его творчестве:

...Он был добрее всех других.
Но ради доброты
Гремел его колющий стих
В лицо неправоты.

Действительно, есть у Керима Курбаннеспесова, как в этом убедится читатель, и «колющие» стихи. Важно не их количество, а то, что продиктованы они не просто любовью к острому словцу, а всечасной заботой о человеке, острым чувством ответственности. Особенно убедительно мысль об ответственности каждого за все, что совершается в мире, выражена в поэме так и озаглавленной — «Забота».

«Оружия любимейшего род» — юмор безотказно служит поэту. Добрым юмором, народным, уходящим корнями в родную дехканскую землю, играют строки поэмы «Дед Таймаз» — лучшей, пожалуй, из его поэм. И опять в центре ее повествования простой человек, его думы и чаяния, надежды и сомнения, обычаи и черточки быта, воссоздающие смесь старого и нового, серьезного и смешного.

Лет десять тому назад, после того, как «Дед Таймаз» вышел в свет и пошел гулять по аулам, собирая щедрую дань читательской благодарности, мне уже приходилось писать о том, что, насытившись жизнью большого города, с его вокзалами, библиотеками, институтами, редакциями и телецентром, с его шумным транспортом и спешащими куда-то пешеходами, Керим Курбаннепесов любит на месяц, на два исчезнуть, затеряться в одном из сел Геоктепинского района, среди своей сельской родни.

Там, у деревенской лавки с нехитрым набором пахнущего железом и сыростью товара, на крылечке колхозного правления — где придется, он не жалеет времени, чтобы послушать неторопливую речь дехкана, вернувшегося с хлопкового поля, или захожего старого чабана, неприхотливого в одежде, но мудрого знанием пустыни, как древние патриархи.

Намагниченный рациональными знаниями в городской период, поэт, подобно железной песчинке на широкой ладони Каракумов, тянется к сельскому полюсу жизни, к сельскому человеку, с его непосредственным восприятием окружающего, с его почти инстинктивным пониманием красоты в природе и человеке, двух начал в его душе — добра и зла.

Когда говорят об интеллектуальности поэзии Керима — это город; когда речь заходит о его лиричности, языковом мастерстве, популярности среди жителей аулов — имеются в виду сельские привязанности поэта. Он двуедин в своем творчестве: корни его в Геок-тепе, корона — над Ашхабадом.

После «Деда Таймаза» поэтом написано много, в том числе и полная трагизма поэма о женщине-бахши, дерзнувшей соперничать в искусстве с прославленными певцами («Состязание»). Окрепло и набирает силу и дарование Керима Курбаннепесова в

малой форме. Он становится сосредоточеннее, вдумчивее, глубже. Это особенно ощутимо в одном из последних по времени написания стихотворений, озаглавленном «Старик».

Не знаю, где еще относятся так уважительно к коню, как в Туркмении. Это — от века. Трудно найти сколько-нибудь заметного поэта — в прошлом ли, в настоящем ли, — который бы не посвятил стихотворения известному своими изящными статьями и выносливостью ахалтекинскому скакуну. Но и тут, в решении этой, исчерпанной казалось бы, темы, Керим Курбаннепесов находит свой, свойственный только ему, угол поэтического зрения, а вернее — прозрения. Это небольшое стихотворение подобно драгоценному камню с тремя искрящимися мудростью гранями. Вот только одна из его граней:

Я был на скачках. Около меня
Сидел старик, и напряженным взглядом
Следили мы за тем, как два коня —
Гнедой и вороной — скакали рядом.

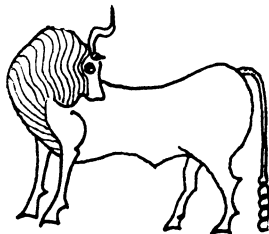
Был слаб гнедой, не резов вороной.
Наездники искусством не блистали.
И чтобы победить любой ценой,
Соперники мешать друг другу стали.

Неловко плетью взмахивал ездок,
И вздрагивал чужой скакун с испугу.
Сказал старик, бесстрастный, как пророк:
«Бессильные всегда вредят друг другу!»

От глиняных табличек юности, от первых, робких еще строк — к отточенным по форме, исполненным благородства и глубины мысли стихотворениям и поэмам, от стеллажа сельской библиотеки в глуши Каракумов до трибуны писательских съездов, на которых автор этой книги представлял поэзию своей республики, — таков жизненный и творческий путь Керима Курбаннепесова, лауреата республиканской премии имени Махтумкули, народного поэта Туркмении.

Ю. Гордиенко

НЕ ДЛЯ СЕБЯ

* * *

Не для себя земля рождает рожь,
И солнце щедро льет лучи на склоны,
И туча в небе скапливает дождь, —
Конечно, не для собственной персоны:
Кто влагу дать,
Кто дать тепло готов!
Один — цветет, другой — кропит водою,
А третий соберет росу с цветов,
Чтоб снова тучи плыли чередою.
Пройдут дожди. В горах растает лед.
Поток, плеща, внизу поля разбудит...
Так жизни
Жизнь
В природе путь дает,
Краса
Красе
Дает дорогу,
Люди!

1964

* * *

Скажите, вы, наверно, замечали
Средь уличной текучей тесноты
Отмеченные глубиной печали
Людские лица скорбной красоты!

Скажите, вам, наверное, хотелось
Решиться — и прохожего догнать,
Призвать на выручку всю вашу смелость
И — отчего печален он — узнать!

Мне скажут и умно и благочинно:
«Чужое горе ворошить к чему?
Пусть даже вы узнаете причину,
Помочь ничем не сможете ему».

Все так, я с ними соглашусь не споря:
От горя ни пилюль, ни капель нет.
Но если я помочь бессилён в горе,
Какой же, к черту, я тогда поэт!

1966

* * *

Родился человек.
В роддоме, в книге толстой,
Отмечен день и час, когда родился он.
Его везут домой — веселье, счастье, тосты.
Но — как найти одно из тысячи имен?!

И наконец дают ему простое имя,
И больше никаких в семье сомнений нет:
Отец приносит лист, где буквами прямыми
Поименован сын, явившийся на свет!

Родился человек. Вступил под сеть закона
И стал себе расти без горя и тревог.
Он сделал шаг.
«Герой!» — отец глядит влюбленно.
Кричит, волнуясь, мать:
«Не упади, сынок!»

Растет сынок, растет. Подходит возраст школьный.
В опрятном дневнике стоит оценка «пять».
«Да ты у нас герой!» —
Твердит отец довольный.
«Ты не такой, как все!» —
Поддакивает мать.

Окончил школу сын с медалью. Начал бриться.
Дорога в институт была ему легка.
Отличник. Чемпион. Ну, как не загордиться
Родительской душе
Успехами сына?!

Отметки. Книги. Спорт. Казалось, жизнь иная
И места не найдет в рассчитанной судьбе.
Так, лет до двадцати, и прожил он, склоняя
Одно:
«Себя», «себе», «собою», «о себе»!

Он был красив, здоров. Жил, как душе хотелось.
С беспечностью юнца лишь о себе твердил.
Еще пять лет прошло,
И наступила зрелость,
И понял наш герой, что он —
Совсем один.

И в страхе он пошел к сокурсникам забытым!
Чтоб каждый мог найти заботу и ночлег,
Он для друзей свой дом теперь держал открытым.
Он понял боль других.
Родился человек.

1971

МАТЬ

К закату солнце опускалось,
Небес просвечивала гладь,
И на лицо земли, казалось,
Спустилась тихо благодать.
Село дремало, в счастье веря...
Вдруг из ущелья ближних гор
Коричневые злые звери
Рыча рванулись на простор.
Но нет, не звери с белой гривой, —
К нам ринулись за валом вал,
И шум потока торопливый
Качнул долину,
Как обвал.
Несло в ужасной круговерти
Овец и коз, как белый сор.
Лишь кони не сдавались смерти,
Борясь всему наперекор.
Ах, как хотелось жить гнедому!
Он по волнам ногами бил,
Но желтый движущийся омут
Все на пути своем губил!
Скот утонул. Снесло посеvy.
И старцы, плача на холмах,
Все вопрошали:

«Воды гнева
За что послал на нас аллах?»
А на бугре, среди стремнины,
Несущейся у самых ног,
Сидела мать,
Грудного сына
В свой темный кутая платок,
Как будто в том спасенье было!
Увидев белую волну,
Вскочила женщина, завывла,
Простерши руки в вышину.
К груди ребенка прижимая,
Она кричала все сильнее —
Вода угрюмая, немая,
Уже была по пояс ей...
Вдруг крик бессилия и муки
Сменился жуткой тишиной:
Исчезла женщина,
Но руки
Держали сына над волной...

1972

КОНТРАСТЫ

Повисла туча, черная, как сажа.
Вниз заскользила молнии змея.
Ворча на город, села будорожа,
Гром покатылся в дальние края.

Вновь молния сверкнула, и за нею
Тяжелый гул прошел по небесам.
Затихло все,
И ливень, сатанея,
Вдруг на гудящих крышах заплясал!

И не скрывали радость горожане:
«Деревья смогут листьями взмахнуть,
Исчезнет пыль, и, город освежая,
Чистейший воздух нам наполнит грудь!»

Но вдаль смотрел селянин с душой горькой:
«Неужто месяц мы трудились зря
И всходы хлопка пропадут под коркой,
Которую покроется земля?!»

Любимую держа в объятьях,
Страстно
Один твердил: «Подольше, дождик, лей!»

Другой, прождав любимую напрасно,
Едва не плакал: «Небо, пожалей!»

«Теперь заблещут лужи на такыре», —
От радости плясали чабаны, —
«Мы воду соберем: дары такие
Мы отдавать обратно не должны!»

Дождь прекратился. Туча уплывает.
Костер веселый солнце разожгло.
Одних оно совсем не согревает.
Ну, а другим — приятно и тепло.

1971

СТАРИК

Я был на скачках. Около меня
Сидел старик, и напряженным взглядом
Следили мы за тем, как два коня —
Гнедой и вороной — скакали рядом.

Был слаб гнедой, не резов вороной.
Наездники искусством не блистали.
И чтобы победить любой ценой,
Соперники мешать друг другу стали.

Неловко плетью взмахивал ездок,
И вздрагивал чужой скакун с испугу.
Сказал старик, бесстрастный, как пророк:
«Бессильные всегда вредят друг другу!»

Другие скакуны других мастей
По кругу понеслись — ну кто же первый?
Скакал на сильном опытный жокей,
На слабом восседал жокей прескверный.

Каурый конь бросался резко в бок, —
С ноги сбивался серый в клубах пыли.
Сказал старик, бесстрастный, как пророк:
«Так слабость мстит уменью и силе!»

Опять вперед помчались скакуны,
То красный выходил вперед, то сивый,
И были люди заморожены
Борьбой прекрасной, схваткою красивой.

Жокеи понимали, что подлог
Желанную победу не приблизит.
Сказал старик, бесстрастный, как пророк:
«Достойного достойный не унижит!»

1970

СТИХИ О ПРИРОДЕ

Очень мало стихов о природе.
Увеличу короткий их счет:
Опишу дом в ауле.
При входе,
Напевая, чинара растет.

Непонятные, странные шумы —
Что листку отвечает листок?
Тот, кто хочет постичь ее думы,
Должен быть, как чинара, высок!

Греет землю чинара зимою,
Летом — дарит прохладой живой,
Укрывая под тенью прямою
Мир цветов вперемешку с травой.

Здесь среди стебельков и соцветий
Скромно тянется травка,
На вид
Неприметная;
Кто и заметит,
Все ж внимания не обратит.

Всяк ногами ее попирает —
Пешеходы, и кони, и скот...
Рядом в доме джигит умирает,
И ничто уж его не спасет.

Мать холодную воду из ваты
Льет на губы бедняге тому.
(Стебли тонкие сбиты и смяты,
Не нужны на земле никому...)

А настой из травинок невзрачных
Мог спасти его — раньше бы знать!
О природе писал,
Да иначе
Повела себя муза опять...

1970

РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК

Он был добрее всех других,
Но ради доброты
Гремел его колючий стих
В лицо неправоты.

Десятки старых толстых книг
Хранил он с давних лет,
И сладко пахла кожа их,
Как пригоревший хлеб.

Он знал стихи Махтумкули,
Творенья Кемине
И тех поэтов, что вдали
Остались — в прошлом дне.

Он нараспев стихи читал
Детишкам перед сном
И книги до утра листал
При пламени свечном.

Всего лишь кончил он мектеб,
Но знал науки все,

Как будто ел с водою хлеб
В бухарском медресе.

Я это знаю потому,
Что часто для бесед
Любил заходить к нему
Ученейший сосед.

И на залатанной кошме
В дырявом чекмене
Не раз он говорил при мне
С ученым наравне.

Он вспоминал:
«В одну из лун,
Ища ночлег в пути,
Богатый человек — ахун —
Решил к нему зайти.

Переступил через порог,
Надменный бросил взор
И, не снимая туфель с ног,
Уселся на ковер.

Не то чтоб тяжело ему
Почтения долг отдать,
Да в бедном доме ни к чему
Обычай соблюдать.

Такого гостя укорить
Попробуйте посметь!
Но стал хозяин говорить
Про вечность, жизнь и смерть...

И, побледнев, ахун скорей
С простой кошмы вскочил
И сбросил туфли у дверей!»

...Смеясь, он заключил

Рассказ:

«Опомнился гордец!»

...Он был не кто иной,

Как рано умерший отец —

Мой добрый, мой родной...

1972

* * *

Он лез по острым граням скал —
Не шел красивою долиной,
В горах на высоте орлиной
Он дерзновенно возникал.

Ружье, патроны и кинжал
Он в горы брал не для убоя.
Он, видя зверя пред собою,
На спуск ни разу не нажал.

Он прижимал к плечу ружье,
Стрелял по неприступным скалам
И соскребал с камней кинжалом
Коричневое мумиё.

Его нередко с ног сбивал
Рожденный выстрелом обвал —
Прыжок рассерженной лавины.
Но он из каменной могилы,
Собрав остатки сил, вставал.

И вновь на узенький карниз
Он ставил ногу непреклонно,
Да вдруг с предательского склона
Сам заскользил, как камень, вниз...

Его считали чудаком,
Его безумцем называли,
Но он, наверное, едва ли
Был с этим мнением знаком.

Он не затем часы берег,
Чтоб слушать глупое злословье:
Он людям возвращал здоровье,
Он в горы не идти — не мог!

Так он погиб.
И нет следа
Могила павшего героя.
Над ним, как вечное надгробье,
Стоит вся горная гряда.

1971

У ИЗГОЛОВЬЯ БОЛЬШОЙ МОГИЛЫ

Памяти Кара Сейтлиева

Ты ушел слишком рано,
Ушел слишком рано,
Хоть стоял на земле как могучий утес.
Ты не все рассказал нам, трудясь неустанно,
Ты нам много оставил, но больше унес.

Ты родился как песня
И умер как песня,
И самой твоей сущностью песня была.
Выходил ты на улицу, грустен иль весел,
Всем казалось, что песня по улице шла.

Может, кто-то считал тебя слишком надменным,
Как седой Копетдаг, если снизу смотреть.
Но когда приближаешься к каменным стенам,
Горы гостя спешат приютить и согреть.

Ты казался из дали
Суровой горою,
Но вблизи — не найти человека скромней.
Враг, который поближе сходил с тобою,
Другом сделаться мог до скончания дней.

Слишком рано ушел.
Рано землю покинул.
Безутешная мать знать не хочет того,
Что последнее горькое счастье для сына —
Если мать на прощанье целует его...
Если мы, твои верные друзья, с годами
Будем реже сходиться к могиле твоей,
Чтоб тоскливо подумать, зачем ты не с нами,
Иль поступим неправильно, — ты не жалеешь.

Здесь вины твоей нет.
За свершенное нужно,
Глаз не пряча своих, отвечать нам, живым.
Нам по силам то дело, которому служим,
Но всегда ли умеем мы справиться с ним?

Если мы, как положено занятым людям,
Закружившись на службе, на пире ночном,
Навестить твою старую мать позабудем
Иль отложим на после, — ты здесь ни при чем.
Здесь вины твоей нет.
Это наши печали.
Наша слабость. Большая вина. И беда.
Груз посильной заботы у нас за плечами —
Жаль, что нас эта ноша гнетет иногда.

Ты ушел слишком рано.
Нет тягостней горя
Матерей, что приходят к сынку своему
Постоять у могилы с прощеньем во взоре.
Но от этого, может быть, легче ему?

Это, может быть, счастье...
Но к нам на могилу
Уж во веки веков матерям не прийти.

Это, может быть, счастье...
Так дайте же силу
Бедной матери — к сыну его донести.

Приближается мать в платье черном и длинном
И целует песок на могиле твоей.
Я сказал:
— Может быть, это счастье для сына...
Только счастья на свете
Не знаю страшней.

1971

БЕЗЫМЯННЫЕ ГЕРОИ

Лихим джигитом
Был мой старший брат,
Но смерть его настигла на чужбине.
Он мог бы стать
Отцом восьми ребят,
Но он ушел — и нет его доньне.

Так сотни старших —
Братьев и отцов —
На родину с войны не возвратились.
И сотни
Черноглазых сорванцов
В селениях печальных не родились.

Сегодня
Вспоминаю я о них —
Желанных, неродившихся, далеких...
О них скорбит и думает мой стих,
Мне слышен отзвук их имен простых
В сердцах и душах
Женщин одиноких.

1963

ТОЛЬКО РАЗ Я НЕПРАВДУ СКАЗАЛ

Только раз я неправду сказал...
Сын, меня не спеши укорить,
Потому что порою вокзал
Разрешает ее говорить.
...Ты совсем еще маленьким был,
Не скрывал своих первых обид.
Если кто-то с тобой говорил
Неприветливо — плакал навзрыд.
Если к сроку не шел я домой,
Ты часами стоял у окна.
Если был я неласков с тобой,
Плача, спать ты не мог допоздна.
А назавтра про все забывал,
Словно сказка приснилась во сне.
Ты игрушки свои доставал
Из коробки и нес их ко мне.
И веселая сразу возня
На ковре начиналась у нас:
Рвался волк из руки у меня,
За твоими овечками мчась!
Мама тут же собаку брала —
И за волком, а тот — удирать!
Так погоня тебя увлекла,
Что часами ты можешь играть!

Хоть потоп всю планету залей —
Несмышлениш такой не поймет...
А уже ради жизни твоей
В мире страшная битва идет.
И глядит с подмосковных высот
Зверь фашизма, одетый в броню, —
На борьбу славный город встает,
Словно море навстречу огню!
Я солдатскую форму надел.
На вокзале кричат поезда.
На меня ты сквозь слезы глядел
И все спрашивал:
— Папа, куда?
— Еду в гости! — тогда я сказал,
Но в неправде вины моей нет.
Все назад отступает вокзал,
Все мне машет мальчишка вослед...
Я солгал только раз, мой сынок,
Ты прости — я иначе не мог.

1955

* * *

Э. Межелайтису

Когда стоишь ты на земной груди,
Протягивая руки к струнам света,
Скорей по этим струнам проведи, —
И музыкой
Наполнится планета!

Они, как нити желтого дождя,
Протянуты меж солнцем и землею.
«О, человек! —
Они твердят, дрожа, —
Ты властвуешь над нашею судьбою!
Как в небе
Руки солнца держат нас,
Так на земле
Твои нас держат руки.
Порвешь ли струны ты,
Ожесточась?
Исторгнешь ли
Пленительные звуки?
Там, в небе,
К солнцу мы прикреплены,
Здесь в грудь земли
Врастаем мы цветами...
Но атомные взрывы не должны

Стоять в бездонном небе
Рядом с нами!
А если встанут, гривой шевеля,
Дымы войны
В непримиримом мире,
Навек отвергнут небо и земля
Того, кого согрели и вскормили!»
...Переливаясь в небе и гудя,
Так струны солнца говорят с тобою.
Они, как нити желтого дождя,
Протянуты меж солнцем и землею...

1961

* * *

Я на юге человека встретил
С горькою судьбой, с душой больной.
Жили мы как добрые соседи
Целый месяц в комнате одной.

Он с лицом осунувшимся, острым
Был спокойно-добрым, и во сне
Весь светился мягким благородством...
Жизнь его теперь известна мне.

Как прошел путем войны до Шпрее,
Говорил он тихо, не спеша.
(Чем слова скупее,
Тем щедрее
Часто раскрывается душа.)

Ранен был. Лечился четверть века.
Есть предел искусству докторов...
Перед долгой болью человека
Стало стыдно мне, что я здоров.

Нестерпимо тяжело порою
Было говорить ему со мной.
— Да, женат.

— А дети?

— Было трое...

А теперь живем одни с женой.

Старший сын погиб, спасая друга,
Схоронили бедных дочерей.

Мать согнуло словно от недуга —
Не по силам эта тяжесть ей.

После он спросил меня о детях,
О жене, о доме, о судьбе.

И впервые от вопросов этих
Было мне чуть-чуть не по себе.

Рассказал я про своих детишек,
Про жену, про то, что счастлив я,
Чуть стыдясь, как будто бы излишек
Счастья
Забрала судьба моя.

1971

**СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ В ДЕНЬ СМЕРТИ
ШАДЖА БАТЫРОВА ¹**

Мне сейчас не до рифмы —
Для этого нужен покой.
Горе давит меня,
Стиснув горло тяжелой рукой.
Да и кто сейчас рифму
Услышит?
Я знаю, ты сам
Тонких рифм никогда
Не подыскивал к сильным словам!
Рифмы явятся сами,
Раз в слове поэзия есть.
...Только что на трибуне
Стоял ты,
Взволнованный,
Здесь,
Обращая к народу,
Как пламень, горячую речь...
Гроб дубовый так узок
Для этих распахнутых плеч!
И, смежив свои очи,
Лежишь ты, огромен и тих,

¹ Видный государственный деятель, умер во время Пленума ЦК компартии Туркменистана.

Принимая вниманье
Товарищей старых своих.
Мы твой гроб окружаем
Горою цветов и венков,
На седины твои
Смотрим с долгой тоскою без слов.
Если б добрым вниманьем
Любой тебя раньше согрел —
Дуб на гроб не пошел бы:
На праздничном пире сгорел!
Только ты не хотел,
Чтоб пеклись о здоровье твоём,
И по этой черте
Мы великих людей узнаем.
Им здоровье людей
Поважнее недугов своих,
Их последнее слово
Всегда о других.
О других!
Такова их судьба.
Ты такую судьбу выбрал сам.
Ты такую судьбу,
Уходя,
Завещаешь и нам.
Ты учил нас бороться,
Всегда,
Не щадя своих сил.
Нас работать учил.
А теперь
Умирать научил...

1965

* * *

Горы с вершинами вечно седыми
вправе ученый назвать молодыми.

А человек! — проживи он полвека,
старым считаем уже человека.

Пусть не веками живет он на свете,
в нем глубина и величье столетий.

Наш человек, он стоит у кормила
тысячелетий грядущего мира.

Можно ли жизни стремительной годы
сравнивать с возрастом мертвой породы?

1961

УЛЫБКА МОЕГО ДЕДА

Дед молча ждал последнюю беду.
Когда ж почуял приближенье смерти,
Он быстро-быстро зашептал в бреду
И улыбнулся —
В первый раз, поверьте!
Он жизнь свою безрадостно прожил —
Клад кирпичи и враждовал с песками,
И вдруг
В улыбке десна обнажил
Впервые в жизни
Перед земляками...
Быть может, он увидел над собой
В отверстии кибитки,
Умирая,
Блеск молнии летящей, голубой
И улыбнулся в ожиданье рая?
Но он унес в могилу свой секрет.
И люди много думали, волнуясь,
Как горести шестидесяти лет
В последний миг
Улыбкой обернулись?
И для всего селения
С тех дней
Загадкой стала дедова кончина.

Открылась только бабушке моей
Улыбки той единственной
Причина.

От бабушки узнала тайну мать
И сорок долгих лет ее хранила.
И только лишь теперь —

Как понимать
Улыбку деда —

Мне она открыла.

Мой дед сказал тогда:

«До этих пор

Не знал аллах, что я живу на свете!

И вот теперь, когда мой гаснет взор,

Своим внимапьем

Старого отметил.

Но не за тем, чтоб снова жизнь вернуть!

Отнять ее — как раз ему под силу...

Пришел всевышний на меня взглянуть

В последний час мой, —

И на том спасибо!»

Вот так

Впервые улыбнулся дед...

Что знаем мы о дедовских могилах?

Прости, что всем открыл я

Твой секрет.

Прости, родной,

Но я молчать не в силах!

ВОСПОМИНАНИЕ

Мне за сорок,
Я вижу в широком окне
Мира нового светлые здания.
Но осталось от старого мира и мне
Ощутимое воспоминание...

Я в бумажной пилотке бежал к ребятам.
Дождик сыпал, сердца наши радуя,
— Чур, мне красную ленту!
— А синюю мне! —
Мы делили роскошную радугу.

Я из гибкого прутика сделал коня,
Сел верхом, и — никто не угонится!
Но на прутьях таких же догнала меня
Озорная мальчишечья конница.

Вдруг отец подошел, улыбаясь, ко мне,
Посмотрел мне в глаза он уверенно.
— Ты, сынок, научился скакать на коне,
Но проверим,
Накосишь ли клевера.

Как джигит,
Я на прутик восторженно сел,
Поскакал через улицу смело я.

И в руке моей детской
Был маленький серп
И для клевера торбочка белая.

Стал косить я,
Серпом неумело вода.
В мою торбу весь клевер уместится.
И катились прозрачные капли дождя
К рукоятке серпа-полумесяца.

Сгреб я в торбочку клевер,
К завязке приник,
Оглядевшись вокруг озабоченно.
Только вдруг я услышал пронзительный крик,
И тотчас зазвенела пощечина.

Потемнело в глазах,
Застучало в висках.
Пахла в торбе душисто трава еще,
И отец меня с поля унес на руках —
Мне потом рассказали товарищи.

Мне потом рассказали,
Что при дележе
Передали нам бая владения,
Ну, а он все считал их своими в душе —
Вот причина его нападения.

...Мне за сорок.
Я вижу в широком окне
Светлый путь,
Тополя у обочины.
Но досталась от старого мира и мне
Та последняя
 злая пощечина.

ЫСМАНАК

Колосья под тяжестью никнут своей...
Но вдруг я увидел прямой стебелек;
Подумал: сорвать его надо скорей,
Чтоб этот сорняк повредить им не мог!

Я руку к траве протянул, чтоб сорвать
И вытащить корень ее из земли.
Постой... Про нее говорила мне мать!
И словно мне угли ладонь обожгли...

Голодное детство вернулось ко мне.
Я добрую эту траву узнаю:
Часами варилась она на огне,
А смерть поджидала добычу свою.
Единственной пищей был ты, ысманак!
Ты выручил нас из беды, ысманак!
Над черным кипящим котлом наклонясь,
Учила нас мать приговаривать так:
«Война и беда навалились на нас,
Так будь наш хранитель, трава ысманак!»
Нам эту траву даровала судьба.
Могу ль ее вырвать, сминая в горсти?

Любуясь на тучные наши хлеба,
Трава ысманак,
Без обиды расти!..

1954

* * *

Воздух горел. Облака вырастали
Там, далеко, на краю небосклона.
Люди о ветре мечтать перестали.
Листья, свернувшись, молчат потрясенно.

Вдруг в отдалении
Серой золою
Скрыло сиянье полдневного света:
Сизая мгла родила над землею
Первый порыв небывалого ветра.

Люди вбегали в дома и глядели
В сторону гор, нависающих круто.
Бились деревья, как будто хотели
Корни корявые вырвать из грунта.

Смерч. Закрывали мужчины собою
Окна, чтоб дети не видели ха́ос,
И улыбались, чтоб их успокоить,
Только улыбка не получалась...

Пали деревья со стоном и треском,
Ветви цеплялись, хрустя, друг за друга.
Гибель прошла по садам, перелескам,

И показалась пустыней
Округа.

Стихло. Мы вышли. Отец с удивленьем
Мир оглядел и сказал:
«Неужели
Смерть приходила к большим деревьям?
Ведь небольшие — все уцелели...»

1971

ОДИН ГОЛОС

Это всем покажется смешно,
Но узнать бы, право, не мешало,
Как в былые дни, давным-давно,
Бурное собрание одно —
«Человек ли женщина?» —
Решало.

И одним лишь голосом всего
Победив, велело большинство,
Чтоб отныне женщина считалась
Человеком...
Стало ль оттого
Легче ей? Для мужа своего,
Как была рабой, так и осталась.

Человеку, кто подвел итог,
Многим мы обязаны, быть может:
Облегчить, конечно, он не мог
Женщинам страданий,
Но пресек
Рвенья тех, кто их хотел умножить!

1965

О СОВЕРШЕНСТВЕ

Ты неуловимо, совершенство,
Для меня — как солнечная тень.
За тобой я гнался, но, пожалуй,
Так тебя я и не догоню.

Если б я преследовал джейранов
Иль хотя бы зайцев,
Был бы дом мой
Полной чашей для друзей и близких.
Но и нынче я опять ни с чем.

Изнурясь, я двинулся обратно.
И — о чудо! —
Ты пошло за мною.
Я останавлиюсь — и ты ни с места,
Побегу — за мной вдогонку ты.

Кажется, мы связаны друг с другом,
Но никак друг друга не пойдем.
Совершенство, тень моя ты, что ли?
Или это я, быть может, тень?

1965

ЧТО НУЖНО ПОЭТУ

Голым ты родился, человек,
Теперь тебе халат нужен.

Махтумкули

Так же, как все на свете,
Голым поэт рождается.
Нужно ему рубашку,
После — халат сгодится!
Дайте ему,
Кричащему ночью в пустое небо,
Матери грудь, и ласку,
И молока, и хлеба!

Все, что другим дается,
Дайте ему сначала.
Только настанет время —
Этого станет мало:
Дайте ему пустыни,
Дайте седые горы,
Даль океана дайте,
Дайте небес просторы.

Тысячи книг прочтет он —
Мало ему науки!
Нужно, чтоб труд познали
Тело его и руки.
Должен он быть ученым,
Пахарем и рабочим,

Должен он быть солдатом,
И рыбаком, и зодчим.

Нужно, чтоб был он сразу
Юношей благородным
И умудренным жизнью
Старцем седобородым.
Нужно, чтоб совершенства
Юность достичь пыталась.
Нужно, чтоб совершенство
С юностью побраталось!

Вот что поэту нужно!
Если сказать по чести,
Нужно еще две вещи,
И, непременно, вместе:

Чтобы стояли рядом
Малое и большое —
Малое самомнение
С очень большой
Душою!

1966

ОТВЕТ НЕЗНАКОМОМУ ПЕРЕВОДЧИКУ

Пишешь: «Не пора ль в Москву собраться!
Я в лицо бы знать тебя хотел...»
Как меня узнаешь ты, собрат мой,
Коль лица в стихах не разглядел!

«Приезжай! — настойчиво ты пишешь, —
Слышать голос твой хочу живой...»
Только — многое ли ты услышишь,
Коль в стихах не слышен голос мой!

1964

О СКОМНОСТИ

Завладел «Трибуною писателя»
В этот вечер молодой пиит.
С гордым видом первооткрывателя
Парень на экране говорит:
«Мы — поэты!» —
И с металлом в голосе:
«Мы создали то-то...
Мы внесли...»

(Да ни разу в жизни не обмолвился:
«Мы — поэты!» —
Сам Махтумкули!)

«В творчестве моем...» —
Он без стеснения
Говорит о творчестве своем:
«Мой герой...
Мои произведения...»
Мы от фраз трескучих устаем,
Но, опять сумев сосредоточиться,
Слышим:
«Мы — поэты!»
Я создал...»

(Да ни разу в жизни:
«Мое творчество» —
Сам великий Чехов не сказал!)

1966

КОГДА Б ТРИ ЖИЗНИ ПОЛУЧИЛ В НАГРАДУ

Родившимся на берегу реки —
Забуть ли плес и лодки на приколе!
Паромщики, матросы, рыбаки,
Они пропахли ветром и рекою.

Родившимся в долине между гор —
Привычно, бурку за спиной развеяв,
Нестись на скануне во весь опор,
Стрелять навскидку и ходить на зверя.

Родившимся среди песков, кумли,
Знаком немой язык следов в пустыне.
Им сладок запах отческой земли,
Хоть он и смешан с запахом полыни.

И если б я, природе вопреки,
Еще три жизни получил в награду:
В песках, в горах, на берегу реки —
Я взял бы их и прожил так, как надо.

Но если б в смертный час всего одна
Была бы мне дарована судьбою,
Одну тебя, родная сторона,
Избрал бы я — с пустынею скупой.

ЦЕНА РАССВЕТА

Раньше о многом я в жизни грустил:
Как-то хороший концерт пропустил,
Фильм интересный увидеть не смог,
Заперт весь день был музей на замок
В городе, где я недолго гостил.

Раньше о многом я в жизни жалел:
Как-то замотанный тысячью дел,
Пойманный сотнею важных причин,
Я пропустил день свиданья один,
Я пропустил день свиданья второй —
Как сожалел я об этом порой!

...Я просыпаюсь и вижу рассвет,
В мире прекраснее зрелища нет!
Выше, чем радость — увидеть зарю,
Радости нет на земле, говорю!

Да, мне сегодня жалеть суждено
Не о концертах и не о кино,
Не о музеях, где я не бывал,
Не о свиданьях, что я прозевал, —
Каждый рассвет, не увиденный мной,
Я бы вернул...
Но какую ценой?

Этого, друг, никому не дано.

1968

* * *

Когда-то зодчий
Минарет возвел,
Поставил башню вровень с облаками,
Нанес на стены сказочный узор,
Сверкающий на камне,
Как на ткани.

Завися от того, как падал луч,
Менял узор ярчайшую окраску:
То он дышал величьем горных круч,
То излучал покой любви и ласку.

Но угасал полдневный легкий свет,
И было лунным все вокруг залито,
Тогда высокий, стройный минарет
Напоминал влюбленного джигита,

Который с нетерпением страсти
Ждет
Красавицу гордячку в белом платье:
Еще мгновенье — он шагнет вперед,
Чтоб нежно заключить ее в объятия!

Забыто имя зодчего давно.
О нем в обрывках старого преданья
Упоминанье есть всего одно:
Любил народ, делил его страданья.

А минарет рожден стоять в веках —
Над прахом, над разбитыми камнями.
Пусть голова витает в облаках,
Он в землю врос, ушел в нее корнями!

1972

* * *

Восходит человек на эшафот,
Над ним петля
И солнце в дымке меркнет,
А он спокойно смотрит на заход.
Он как из камня,
Он сильнее смерти.

Тебе письмо прислал сегодня друг,
Слова не занимают много места,
Но зарыдал растроганно ты вдруг.
О человек,
Ты из какого теста?

1966

ПРО ВЕСНУ

Про весну
Вписать бы, правды ради,
В справочники всех библиотек:
Родилась в осеннем Петрограде,
Год семнадцатый, двадцатый век.

Знаю, счету нет прошедшим зимам,
И равно и веснам нет числа.
Но она одна
Неотразимым
Первым громом
Землю потрясла!

Я и сам
Причастен этой силе,
Творчеству ее и торжеству...
Дед мой помнит: весны приносили
Голод да съедобную траву.

В давнее вникают люди ныне,
Воздавая Ленину хвалу:
Жизни темной годы ледяные
Повернул он
К свету и теплу,

Чтоб идти
Весне земли и неба
За Весной народов и племен
И чтоб не был нищим я, чтоб не был
«Низшим» — как проклятьем заклеимен!

1962

* * *

...И сыном меня звали — я привык,
И другом величали — я привык,
«Товарищ» окликали — я привык,
Поэта имя дали — я привык;
Но за рукав меня сынишка взял —
Впервые в жизни
«па-па» мне сказал!..

1955

ДУТАР

Мать с землею прощалась навеки.

Смерть ждала, заступив за порог.

Разжимая тяжелые веки,

Мать сказала:

— Сядь ближе, сынок!..

Я хочу, чтобы легче мне стало,

Чтобы музыка в доме была... —

Сын ударил по струнам дутара —

Смерть от дома на месяц ушла.

Вновь пришла она черною ночью.

— Сын, играй! —

Шепчет бедная мать.

Сын играл все сильнее, все звонче —

Смерть убралась на месяц опять.

Снова смерти минута настала.

— Сын, играй! —

Мать шептала в бреду.

Бились, плакали струны дутара —

Сын играл, прогоняя беду.

Не поверите, скажете:

Чудо!

Если чудо — так что ж за беда?

Раздавалась бы музыка всюду —

Смерть ушла б от людей навсегда!

Снова мать обращается к сыну:

— Сын, приблизься ко мне поскорей!

Перед тем, как тебя я покину,
Ты узнаешь о тайне моей.
Я о музыке с детства мечтала,
Я без музыки жить не могла,
И потом, когда девушкой стала,
Я из дому за нею ушла.
К музыканту в селе недалеко
Через степь протянулся мой путь
Даже в глиняных идиолов мог он
Грустной песнею душу вдохнуть!
Я увидела сильного парня.
Мне мелодия сердце прожгла...
Я к нему подошла благодарно
И при всех, не стыдясь, обняла.
Это был твой отец...—
Замолкая,
Мать вздохнула:
— Играй же, дитя...—
Струны, в пальцах умелых мелькая,
Снова пели,
Смеясь и грустя.
Но дутар уронил
Сын усталый.
Свет в глазах материнских погас.
А не смолкли бы струны дутара,
Мать бы слушала их
И сейчас...

**НЕБОЛЬШАЯ АНКЕТА,
ЧТОБЫ ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ**

Проснешься, весел и доволен,—
Порядок в доме, как всегда.
А у соседей — кто-то болен.
О чем ты думаешь тогда:
 Чтоб обошли твой дом напасти?
 Чтоб поддержать других в несчастье?

Машину угля парень ловкий
Во двор заводит без стыда.
«Отдам, хозяин, по дешевке!»
О чем ты думаешь тогда:
 О выгоде, о дешевизне?
 О совести, о честной жизни?

Мясник в ларьке с тобою дружен —
Вмиг тащит вырезку со льда!
Другим несет чего похуже...
О чем ты думаешь тогда:
 О том, что выбор твой удачен?
 О тех, кто другом одурачен?

Летишь на «Волге» с гордым видом
И обгоняешь без труда

В малолитражке инвалида.

О чем ты думаешь тогда:

О собственном автомобиле?

О тех, кто счастье нам добыли?

1966

СПУСТЯ СТО ЛЕТ

Свои стихи мне прочитал поэт.

— Ну как? — спросил он.

Я сказал в ответ:

— В твоих стихах я ничего не понял.

— Что из того? Поймешь через сто лет.

И снова мне стихи читал поэт.

И снова я ему сказал в ответ:

— И эти я стихи твои не понял.

— Их тоже ты поймешь через сто лет.

Ты видишь звезды? Их далекий свет

Доходит к нам лишь через тыщи лет.—

Тут я вздохнул.

— Ты почему вздыхаешь?

— Подумай и поймешь... через сто лет

1964

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Упал мальчишка, закружась в игре,
И мать ему внушает во дворе:
— Когда земля уходит из-под ног,
Кружись в другую сторону, сынок!

— А можешь ли ты взрослых научить,
Как головокруженье излечить?
Вот слава вскружит голову кому —
Чем врачевать беднягу? Неизвестно!
Бежать в какую сторону ему,
Чтоб встало все потом опять на место?

— Игра иль слава — это все равно.
Кружись обратно — средство лишь одно.
Ты возгордился — так вернись туда,
Где был простым, где мог с людьми

ужиться, —

И станет все на место навсегда,
И перестанет голова кружиться!

1967

ПОЭМА
О ЧЕТЫРЕХ ВРЕМЕНАХ ГОДА

I

Создатель, я тебе перечить смею
(Прости, конечно, виноват весьма),
Но утвердились волей не твоею
Весна и Лето, Осень и Зима.

Пошел по свету юноша, страдая.
Его, о том не ведая ничуть,
Красавица пленила молодая,
Негаснувший огонь вложила в грудь.

Когда же, пожираемый пожаром,
Увидел он застывшие моря,
Лед и огонь, столкнувшись,
Стали паром,
Земле освобождение даря.

И потекли разбуженные воды,
И мир расцвел в нахлынувшем тепле —
Во всем великолепии природы!

Так воцарилось Лето на земле.

И юноша продолжил путь отважно
 В прохладу вечеров, в полдневный зной.
 Он шел по свету, утоляя жажду
 Из первых рек водою ледяной.

Вдруг ощутил усталость, слабость, голод,—
 Но покачнулась ветка на стволе,
 И он увидел круглый плод тяжелый!

Так воцарилась Осень на земле.

III

Насытившись прекрасными плодами,
 Пошел влюбленный юноша вперед,
 Но тут, ему дорогу преграждая,
 Легла река в сверканье бурных вод.

Он заблудился в зарослях осоки,
 Уже не видя — что там, впереди,—
 И замер; но костер любви высокий,
 Неистовствуя, рос в его груди.

Вдруг от вершин безмолвных — сверху,
свыше —
 Сошел покой сухим дыханьем льда,
 И стал костер в груди ровнее, тише,
 И юноша вздохнул. Но и тогда

В груди горячей сердце не вмещалось:
 Сейчас сгорю дотла, сойду с ума!..
 И снова тишина. Легко дышалось.

Так воцарилась на земле Зима.

Вдохнув седой зимы бальзам целебный,
По телу неподвижному реки
Он шел опять под звездами Вселенной
И знал: минуты радости близки.

Он проходил долины, перевалы,
В ущельях полз у смерти на краю
И, наконец, счастливый и усталый,
Приветствовал любимую свою!

И в небесах пророкотали грозы,
Чтоб в чистом небе всем была слышна
Трель соловья, чтоб ярче рдели розы!

Так воцарилась на земле Весна.

1971

* * *

Весной цвели сады,
гранаты зрели летом,
плодами садовод.
отнюдь не обделен...
Я в этом же краю,
как бы насквозь прогретом,
на этой же земле
был матерью рожден.

Я расцветал,
мужал,
и на пороге — осень.
Что ж, почва недурна
и был уход хорош.
Глядишь —
и у меня, пожалуй,
скоро спросят:
«Велик ли урожай?
Что нынче соберешь?»

1969

УТЕШЕНИЕ

Слабых стихов, быть может, много я сочинил,
Только над каждым бился я, не жалея сил.
Будут еще такие. Трудная штука — стих!
Просто мне не давался самый плохой из них.
Все их рождал я в муках, все добывал трудом!

Слабое утешенье все же находишь в том...

1965

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЭЗИИ

Пела птица на тонкой ветке,
Мудрецу облегчая путь,
Но охотник стрелою меткой
Из засады пронзил ей грудь.

И мудрец закричал с упреком,
И слеза из печальных глаз
Брешь пробила в сердце жестоком,
Жизнью в птице лесной зажглась!

Так поэзия родилась.

1965

К ЖУРАВЛЯМ

Завидую вам нынче, журавли,
Как вы дружны, как слажены в полете
И, улетаю от родной земли,
Как сильно и легко крылами бьете!

Но вам меня с собою не зазвать.
Я — человек. Мне — дома зимовать.

1964

* * *

Лишь на одну десятую едва
дала Земля простор освоить свой.
А сколько белых пятен голова
таит еще под коркой мозговой?..

Так думал я, качая головой...

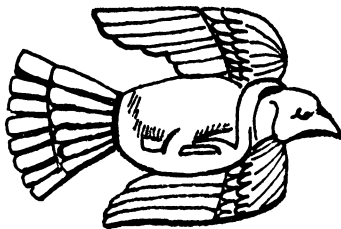
1963

* * *

Когда, мой друг, горюешь ты — горюй за весь народ,
Как будто горе всей страны на части сердце рвет.
А коли радуешься ты, так радуйся сполна,
Как будто радость всей страны в тебе заключена.

1966

«АЙТЕРЕК»

В ПАМЯТЬ ЮНОСТИ НАШЕЙ

Г. А.

Кангали — в том ущелье оставили след
Годы юности нашей, твоей и моей.
Не ищи — не отыщешь сегодня примет
Быстрой юности нашей, твоей и моей.

Похоронки в аул присылала война.
И на тысячи бед — радость только одна.
И мрачила истерзанных туч пелена
Годы юности нашей,
Твоей и моей.

О любви ли мечтать, если рядом беда.
Но любовь и права и уместна всегда.
Ясной зорькой она осветила года
Ранней юности нашей,
Твоей и моей.

«У подруг твоих свадьбы прошли чередой.
Не пора ли и нам править свадебный той?»
Ты смеялась в ответ: «Торопливый какой.
Может, старость скребется
За дверь твою?»

И смолкала, ко мне на мгновенье припав,
Вся пропахшая свежестью мартовских трав,
И дышала, как будто от бега устав,—
В пору юности нашей,
Твоей и моей.

А когда, под собою не чуя земли,
Я тянулся к тебе и просил: «Обними!»,
Отстраняла ты пальцами губы мои,
Улыбаясь тревожно:
«И думать не смей...»

Вняв рассудку и твой не нарушив запрет,
Я лицом погружался в волос твоих свет...
Только где он, рассудок! — опять его нет,
Лишь касался я
Острой коленки твоей.

Мы сидели, к плечу прижимая плечо,
И сквозь ткань было тело твое горячо.
Чаще бились сердца — и еще, и еще,—
Сотрясаемы дрожью
Твоей и моей.

А часы как секунды сегодня с утра.
Облака поменяли окраску пера.
И, вздохнув, ты сказала: «Прощаться пора.
Мне неловко домой
Возвращаться поздней».

И возник тогда голос, и был в нем укор.
Это тополь, что ветви над нами простер:
«Погодите, весеннее вас — до сих пор
Я влюбленных не видел
Под сенью своей!»

«Что бояться вам! — пророкотала река,—
Вы друг с другом как правая с левой рука.
Все встречала, текущая издалека,
Лучшей пары не встретила
В жизни своей!»

С высоты долетел до нас клекот орла:
«Что вы медлите, ваша любовь расцвела
И под собственной тяжестью изнемогла!
Иль хотите дожждаться
Ненастливых дней?»

И желанных советов послушались мы,
И старались успеть до прихода зимы...
А зима воровски закоулками тьмы
Пробралась к нам весной,
В пору майских лучей.

Сговорили тебя в дом постыло-чужой.
И смирилась ты, сломлена волею злой.
И ушла ты. И стала другого женой
В пору юности нашей,
Твоей и моей.

Тяжелее снопов груз спадающих кос
И глаза твои с отблеском тысячи гроз —
Все украдо курте¹, и мгновенно унес
Поезд свадебный
В блеске рассветных лучей...

Сорок дней — а потом, как велит кайтарма²,
Ты вернулась домой, иступленно-нема...

¹ Девичий свадебный халат.

² По обычаю, через месяц-полтора после свадьбы молодая возвращается на время в родительский дом.

Никогда не забудется эта зима
Силы гордой
И слабости горькой твоей.

...Кангали — вот и вновь по ущелью брожу,
Память сердца на каждом шагу берегу.
И вокруг с затаенной надеждой гляжу:
Вдруг отыщется след
Тех истаявших дней!

Как и прежде, река вдоль ущелья течет,
Тополь старый годов продолжает отсчет...
Не нашел — хоть искал целый день напролет —
Только юности нашей,
Твоей и моей.

1969

* * *

Я вижу: ты, мой друг, не одобряешь
Мою любовь, мой выбор,— и хотя
Не говоришь, но будто укоряешь,
С другими о любви моей шутя:
«Он для нее на все готов, бедняга,—
И умереть, и делать чудеса.
Я мог бы это оправдать, однако
Не понимаю, в чем ее краса?»

Да, люди таковы! Когда рождает
Широкие мелодии бахши,—
Все слушают, но каждый выбирает
Мелодию, родную для души.
И ты б, мой друг, от удивленья замер,
Ходил бы сам, как будто во хмелю,
Когда б моими посмотрел глазами
На девушку, которую люблю.

1957

ЛЮБОВЬ

1

Твой отец, он сурово глядит
И «сыночком»
Звать сына не будет—
Говорит:
«Подрастает джигит!
Бес его не попутает!»—шутит.
Но однаждыймаешь ты взгляд,
Полный грусти, любви и тревоги,
И уйдешь ты, смятеньем объят,
Прочь от дома по темной дороге.
Этот взгляд
Будет каждый твой шаг
Измерять — и печаль и веселье:
Петр Великий, наверное, так
Взглядом огненным жег Алексея...
Взгляд заставит тебя трепетать!
Но коль в сердце любовь поселилась,
То теперь поворачивать вспять
Не заставят ни ярость, ни милость!
Ты крадешься среди темноты,
По ограде взбираешься шаткой—
Кто-то дыни ворует, а ты
Поцелуи срываешь украдкой!

И лопаты кривой черенок
Бьет тебя по загривку с размаха!
Ты бы в сторону броситься мог,
Но встречаешь удары без страха.
«Я люблю ее!» — крикнешь.

Старик

И не слышит:

В глазах его злоба.

Размахнулся опять —

И в арык

Вы с любимой катитесь оба!

Ты закрыл ее телом своим,
Так, как воина щит закрывает,
Но отец ее неумолим —
Он из рук твоих дочь вырывает...

Весь избитый,
Бредешь ты назад,
Уязвленный обидой напрасной,
И в глазах, как живые, стоят
Образ милый
И образ ужасный.
День пройдет — ты решишь:
Никогда
Не увидеть опять образ милый!

Но потом —
Молодые года! —
Вспыхнет страсть твоя с новою силой,
И проклятый забыт черенок!..
Вновь, как вор, ты крадешься у сада,
И укромный другой уголок
Прячет вас от ревнивого взгляда.
Твой отец говорил со смешком:

«Бес его не попутает!»

Снова —

И не раз — был ты бит черенком,

Крепче делаясь, честное слово!

Так пришлось вам до свадьбы страдать...

Пусть другие припомнят — а ну-ка!

Ты не хочешь, любовь,

Устилать

Путь наш розами —

В том-то вся штука!

Сотню бед ты влюбленным несешь,

Сто даешь испытаний,

Но если

Ты влюбленных навеки сведешь —

Не страшны им

И тысячи бедствий!

1966

* * *

1

Говорил я часам:
«К рассвету
Не гоните стада минут!
Я стихи написать в газету
Должен за ночь — нелегкий труд...
Не бросайтесь вперед крылато:
Каждый миг мне дороже злата!»
Целовал я их, гладил —
Были
Равнодушны, как ни проси.
Ах, позором меня покрыли
Вы, стремительные часы!

2

Говорил я часам:
«Нельзя ли
Побыстрее —
Болит душа!
Надо встретить мне на вокзале
Ту, что чудо как хороша!
Вдаль стремитесь, на крыльях рея!

Ну, быстрее! Еще быстрее!»
Целовал я их, гладил —
Были
Равнодушны, как ни проси.
Ах, едва меня не убили
Вы, медлительные часы!

3

Говорил я часам:
«Замрите!
Я ведь, к сердцу прижав, несу
Вдруг ожившую —
Посмотрите! —
Рафаэлевскую красу!
Вновь уедет моя невеста
Нынче ночью... Часы, ни с места!»
Целовал я их, гладил —
Были
Равнодушны, как ни проси.
Ах, мне душу испепелили
Вы, завистливые часы!

1953

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Назначил я свидание впервые—
И не было конца и края дню:
В капкан попали стрелки часовые,
Попали ноги солнца в западню!

Но время все же шло. На всякий случай
В волнении, бледнея все сильней,
Подумал я: «А может, будет лучше,
Чтоб часом позже встретились мы с ней?»

«Пришлась по вкусу девушке идея!»—
Твержу, от нетерпенья холодея.

1950

* * *

Всю зиму мной владевшая мечта
Весной исполнилась. И так мгновенно!
Коснулись уст ее мои уста,
Мы отразились в зеркале настенном.

В дверь постучался кто-то. Стук был тих,
А прозвучал, как гром по всей округе,
И губы вмиг ее от губ моих,
Как от огня, отпрянули в испуге.

Нам улыбаясь ясно и тепло,
Мать девушки стояла на пороге.
А я взглянул на зеркало в тревоге,
Еще боясь, что выдаст нас стекло.

1954

* * *

«Айтерек» — есть игра,
Ее любит детвора.
«Айтерек»,
Гунтерек,
Кто влечет вас
Сейчас?»
«Нас?
Один человек»
«Но который из нас?»
«Иль Джерен,
Иль Джемаль?
Или та, иль другая?» —
Я тогда не понимал.
Без разбора выкликая.

И тотчас навстречу мне
Названная вырывалась —
Лишь косичка на спине
Танцевала, извивалась.

Я тогда был слишком мал,
Слишком мало понимал
И девчонок —

Без раздумья,
Без разбора выкликал.

Ну, а если бы
Сегодня
Мы бы стали в два ряда,
Я бы выкликнул из сотни —
Не ошибся б никогда!..

1954

* * *

Ну, что за волшебная книга такая!
В ней смысла поймать не могу ни крупцы.
В любую страницу по часу вникаю —
Глаза моей милой на каждой странице.

Прости, моя книга! Подобные шутки
Доныне со мною шутили едва ли —
Пленив мое зренье, всех строк промежутки
Глаза моей девушки зачаровали.

1955

* * *

Мы все равны —
Крестьяне, пролетарии.
Мы всех господ давно прогнали вон,
И все ж в немаловажном комментарии
Нуждается великий наш закон.
У нас в стране
Господствуют
Красавицы!
Пример? —
Автобус мчится, как стрела,
В удобном кресле генерал качается,
И вдруг в салон красавица вошла!
Выходит, что она — не меньше маршала:
Пред нею генерал во фронт стоит!
Она благодарит героя нашего,
И у него весьма довольный вид.

По улице идет Глава Правительства.
Бегут навстречу девушки гурьбой,
И, отступив в сторонку, им приветственно
Глава кивает мудрой головой!

Известный лирик девушкам на улице
Дорогу уступает, стар и сед.

«Поэт, идите!» — девушки волнуются,
А он им говорит:
— Простите, нет!
Всегда должна вперед идти Поэзия,
Поверьте этим искренним словам,—
Но можно ли пройти мне первым,
Если я
Всем творчеством своим обязан Вам!..

1966

В ДОМЕ ТВОРЧЕСТВА

Гулял с друзьями в парке я,
Беседовал часами.
Прощались новые друзья —
Менялись адресами.
Но с этой девушкой домой
Я улетел досрочно:
Видать, к листку, где адрес мой,
Прилип я очень прочно!
Ну, хоть бы сердце увезла,—
Как говорят поэты!
Нет, целиком меня взяла!
Себе кричу я:
— Где ты?—
Иду по улице — не я!
Не я — купаюсь в море!
И у друзей спросить нельзя:
«Где я?» Какое горе!
Я паспорт к зеркалу поднес —
Различных два портрета!
Вокруг твердят: — Какой курьез!
Послушай, ты ли это?—
Бегу к врачам.
— Нет, вы—не вы.
— Да я же, я пред вами!—

Врачи сочувственно, увы,
Качают головами...
Раз врач сказал — закончен спор,
Чего уж сомневаться!
И мне придется с этих пор
Не мною оставаться.
А значит, если я — не я,
Могу гулять весь день я!
Но кто ж напишет здесь, друзья,
Мои произведения?!

1966

* * *

Вчера я в клубе выступал.
Красавицами полон зал:
Обилия такого кос
Мне в жизни видеть не пришлось!
Ах, косы...
В руку толщиной,
Длинною — в две руки,
Дразня, плывут передо мной,
Близки и далеки!
Мой друг давнишний, педагог,
Хоть ты бы чем-нибудь помог!
Открой собрание. Потом
Давай, читай доклад,
И, коль уложишься притом
В регламент, буду рад!
(Авось не станет хуже стих
От стертых фраз и цифр сухих!)

Доклад окончен. Перерыв.
Поэзия — вперед!
И зал, дыханье затаив,
Как будто чуда ждет.
И для меня большая честь
Стихи собранию прочесть!
(Как жизнь в стихе отражена,

Пуста строка или полна,
Присутствует ли страсть —
Молчу. Лишь критику дана
Судить поэта власть!)
Но в зале был страстей накал,
И зал меня не отпускал!
Сошел с трибуны — тут как тут
Девчата: шум и гам!
«Почаще, *дядя*, в институт
Захаживайте к нам!»
Я вслух сказал: «Приду опять!» —
Очередной косе,
А сам решил: «Напрасно ждать!..
Ведь это ж надо — «дядей» звать...
Да провались вы все!»

1969

ВЛЮБЛЕННЫЙ

(Разговор с сельским парнем)

- Здесь прекрасные фрукты растут, говорят?
- Да, у нас есть урюк, алыча и гранат.
- А деревья каких знаменитых пород?
- Ива, клен и платан! Да и ясень растет.
- А захочется мне винограду поесть?
- Скороспелый, и белый, и сахарный есть!
- А красавицы есть, молодой человек?
- Есть Герек!
- А еще?
- А еще? Есть Герек.
- И других бы красавиц припомнить не грех!
- Есть Герек!
- Ну...
- Герек.
- Так. Герек и ..
- Герек!

1965

НЕУДАЧНИК

Три девушки —
Одна стройней джейрана,
В другой меня пленяет гибкость стана,
Глаза у третьей глубже океана...
Три года я сгораю,
брат, пойми!

Я выкрал фотографии любимых,
Я «подарил» себе невозмутимо.
Три карточки — и все необходимы,
Альбом составил целый, —
брат, пойми.

Назначил я трем девушкам свиданья,
На каждое успел прийти заранее.
Но обманули все — вот наказание! —
Остался в дураках я,
брат, пойми.

Ни от одной
Не получил ответа!
Ждал осень, зиму,

Ждал весну и лето...

Читатель!

Помоги хотя б советом,—

Им нравятся другие,

черт возьми!

1955

ЭЛЕГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАНИЯ МНОГОДЕТНОГО ПОЭТА

«Люблю» прочитав в моих новых стихах,
Меня укоряют: «Про возраст забыл».
И, словно поймав на постыдных грехах,
«Люблю» предлагают сменить на «любил».

«Люблю тебя, девушка, — слышишь, люблю!» —
Писал я и был похвалой награжден.
Теперь напишу — и укоры ловлю,
Как град, они сыплются с разных сторон.

Сосед говорит: «Оглянись на детей!»
Редактор ворчит: «На седины свои
Взгляни — и давай сочинять без затей,
Юнцам предоставив писать о любви;

Не спорю ничуть — ты еще молодой
И в сорок свои сохранился вполне,
Но помни: закончиться могут бедой
Свидания с девушками при луне!»

Шучу: «Я и сам презираю повес,
И эти свиданья лишь в строчках стихов» .

Ведь не был повесою Молланепес,
И разве повеса Степан Щипачев!

А ты перечти их — они в шестьдесят,
Красуясь белейшей, как снег, головой
С молоденькой девушкой в парк или сад
Спешили под вечер, смеясь над молвой».

Едва ускользнешь от редакторских пут,
Как в доме своем попадешь в переплет.
Когда сыновья тебя к стенке прижмут
Вопросами,
 шутка, увы, не спасет.

Подступит меньшей... удивленье в глазах
И мысли тревожной работа видна:
«Ты, папа, о девушке пишешь в стихах,
А мы и не знаем, какая она!»

У сына постарше серьезней резон,
Все сразу решил уяснить наконец:
«Как в девушку ты оказался влюблен?
Да разве же может влюбиться отец!»

Ну ладно, мальчишки — с них спрос невелик.
А что же их мать не смеется в ответ!
Замолкла, как будто отнялся язык,
И нас не торопится звать на обед.

И вдруг без причин разворчится она:
«Коль к спеху — бежал бы к девицам бегом!..»
И, может быть, думает вправду жена,
Что ждут меня в гости за каждым углом.

Редактор, соседи, жена, сыновья —
Один против тех многочисленных сил,
Смиряюсь, теряю позиции я,
Все чаще пишу не «люблю», а «любил».

Смиряюсь... И все же во веки веков
Смириться с запретом таким не смогу...

Но только редактору этих стихов
Об этом, пожалуйста, вы ни гугу!

1970

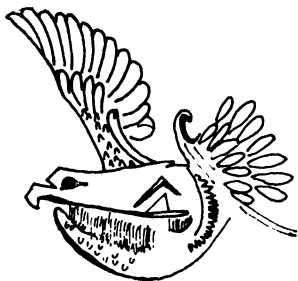
ТЕБЕ

Забыв о мире,
Вечной красотою
Я любовался, сколько раз — не счесть!
Она глазам грозила слепотою,
А невозможно было взгляд отвести.

Но снова, снова сердце защемило,
Когда увидел облик твой родной...
Они бессильны, все красоты мира,
Пока ты на земле,
Пока со мной!

1972

ОСКОЛКИ

ОСКОЛКИ

1. СЛОВА, УСЛЫШАННЫЕ ИЗ УСТ МАХТУМКУЛИ

Чем легче доставаться будет стих,
Тем горше будет разочарованье.
Чем тяжелей рождаться будет стих,
Тем зрелости мучительней желанье.
Коль не узнаешь этого страданья,
Путь не найдешь к поэзии познания!

2. СПОР ДРУЗЕЙ

— Живем лишь раз! Так пей, куда пьется!
Не повредит еще глоток-другой!
— Ты очень прав. Жизнь дважды не дается.
Не наливай мне больше, дорогой!

3. ГРОМ

Гром грянул —
Задрожали люди в поле.
Гремел всю —

Шатались стены дома.
А дождь не стоил
И миллионной доли
Такого
Выдающегося
Грома!

4. МОЛОКО

Лишь в юности быть довольным легко.
А станет старше поэт,
И на лице его глубоко
Сомненья проложат след.

Ах, юность — кипящее молоко!

Да только опасно, вскипев едва,
Бежать через край котла:
Котел опустел, сырые дрова —
Ни молока, ни тепла...

5. КРЕДИТОР И ДОЛЖНИК

— Те деньги, что ты взял, верни, сосед,
Детишки голодают у меня...
— Да, понимаю... Только денег нет.
А ты взамен не взял бы ячменя?
— Да чем угодно можешь долг вернуть,
Во рту ни крошки не было весь день!
— Ну, если так, сосед, спокоен будь:
Посею этой осенью ячмень.

6. ВИТАМИНЫ

Сказал Меред:— Из массы витаминов
Полезен нам какой-нибудь один!—

Сказал Медед, лимонный сок подвинув:
— Мне нужен «С» — ценнейший витамин! —
Сказал Аба:— А моему лечению
Я помогаю витаминном «А»!
— Врачебному согласно назначенью
Я пью «В-прим»! — похвастался Ата.
Толстяк Мамед вовек не знал болезней.
Он подложил баранины себе
И радостно сказал:— Всего полезней
Употребление витамина «Бэ-э!»

7

Таков издревле белый свет.

А. С. Пушкин

«Таков издревле белый свет»...
Различны степени таланта.
У карлика сомнений нет,
Что он оставит вечный след.
Сомнения — удел гиганта.
Прощают маленьким с лихвой
Ошибки их
Большие люди.
Жестоко маленькие судят
Больших с повинной головой!

**8. КАК ОДИН ПОЭТ, НАПИСАВШИЙ
КНИГУ РУБАИ, СТАЛ ТЯГАТЬСЯ
С ОМАРОМ ХАЙЯМОМ**

— Шлет новый ученик салам душе Хайяма!
Но, мастера ценя, он заявляет прямо:
«И я могу писать рубаи, видит бог!
Нет, не один Хайям теперь достоин храма!»
— Салам ученику от старого Хайяма!
Ценя ученика, он заявляет прямо:
«Три рифмы, видит бог, в твоём рубаи есть.
И больше ничего, сынок,— пустая яма!»

По Навои

Да, ты поэтом настоящим стал.
Талантлив. Скромнен. Будешь жить в веках.

Заметишь ли, что в двух всего строках
Я о тебе четыре лжи сказал.

10. ГЛАЗА

Итак, чтоб говорить —
язык нам нужен,
нос — чтобы нюхать,
чтоб слушать — ухо.
Глаза нужны, чтоб видеть,
и к тому же —
еще чтоб слушать,
говорить
и нюхать!

11. О ТАЛАНТЕ

Сколько разных талантов! И каждый хорош,
Только скупы дают их, пожалуй.
Но понять, что таланта в тебе ни на грош —
Это тоже талант, и немалый!

12

Иной,
народной славы удостоен,
идет в людском потоке прост и тих.

А этот, чьи дела гроша не стоят,
прет напролом.
Вы знаете таких.

13

Коль друг твой беркут —
В горы поведет.
Коль соловей —
В сады, где песнь живет.
Коль ласточка —
То к дому моему.
А коль сова —
В развалины, во тьму.

14

Шутя над этим —
Мелешь всякий вздор,
Пока не станет он белее кости.
Шутя над тем —
Летишь во весь опор,
Пока не посинеет он от злости.

Шутя над другом —
Умолкаешь вдруг,
Увидев, что слегка краснеет друг.

15. ЦИТАТА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ
СЕКЦИИ ПОЭЗИИ

На добрый дом похож хороший стих.
Все прибрано, все на местах своих:
Дверь, окна, потолок, полы и печь,
Кровать, чтобы уставшему прилечь...

И в только что прочитанных стихах
Все эти вещи на своих местах,
Но есть один-единственный порок —
Уж больно низок в доме потолок!

16. ИСТИННЫЙ МУЖЧИНА

Истинный мужчина не соврет.
Не двулик лихой джигит в папахе!
Если будет надо, он умрет
На правдивом слове, как на плахе.

Не солжет он ни тебе, ни мне
По причине или беспричинно.
Разве только собственной жене
Иногда...
Как истинный мужчина!

1969—1972

«КУР!»

Смеясь, отец рассказывать любил:
«Я из песков зайчонка привозил.
Шурпа кипела, запахом дразня!
Но только снимем мы казан с огня,
Как в дверь уже стучит — ну и дела! —
Дрожа от нетерпенья, наш мулла.
Ну, приходил хотя бы через раз:
Все съест один,
А нам — аллах воздаст!

И вот однажды с четками в руках
Мулла почтенный мчится впопыхах
На аромат шурпы издалека,
Я крикнул:
— Кур! —
(Так гонят ишака!)
Он в дверь стучит, а я:
— Негодный, кур!
— Свят, свят! — кричит. —
Ведь это я — Шукур!
— Кур, подлый, кур! — ору, как на осла.
А он хрипит: — Да это ж я — мулла!
— Что за беда?
Да кто б ты ни был — кур! —
Ушел от нас Шукур,
Забыл, какая к нам ведет тропа.
А мы узнали, как вкусна шурпа!..»

**РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕЗДЕЛЬНИКА
НА ВЫСТАВКЕ ВИННЫХ ИЗДЕЛИЙ**

Я весь мир исходил — много, значит, увидел.
И Баку, и Буйнакск, даже Нальчик увидел.
Сорок дней без движенья в Тбилиси лежал.
Сорок звезд на бутылках коньячных увидел!

Был ровесником мне
Сей напиток чудесный —
Я бродил по стране,
Он бродил в бочке тесной!

Он, как я, не тужил,
Улыбаясь довольно,
И беспечно прожил
Пятилетки и войны.

Не стрелял по врагу
И в тылу не трудился —
День-деньской на боку
Там лежал, где родился.

Я за длинным рублем
По стране помотался.
Он — король королем
Своего дожидался...

На груди у него
Сорок звезд и медали!
Ну, а мне
Ничего
Почему-то не дали...

1966

ОБСУЖДЕНИЕ

Весь день коня всевышний создавал,
Потом пресс-конференцию созвал,
И вышел на глаза парнокопытным
С созданием, премного любопытным,
И так сказал:

«Вам в дружную семью
Я нового товарища даю.
Пред вами — результат большой работы!
Быть может, есть какие недочеты?»

Был конь как конь: высок и величав.
Вздымался хвост волной весенних трав.
Глаза огромны. Ровная спина.
И шея с длинной гривой — длинна.
Как шишки камыша, прямые уши —
Был конь как конь. Теперешних не хуже.

Тут все заговорили о коне,
Погладили по холке, по спине.
«Желаете узнать, каков он в деле?» —
Спросил господь.

Все ахнуть не успели,
Как конь заржал и скрылся с глаз долой!
Промчался по Земле и над Землей —

Планеты облетев в одно мгновенье,
Пред богом вновь стоит его творенье,
Само смирение...

Спросил тогда всевышний: «Ну и как?»
И первым подошел к коню ишак:
— Всевышний, ты умаслил наши души!
Вот только подлиннее б сделать уши...

Потом коню давал оценку бык,
Сказав:
— Владыка, лучший из владык,
Все хорошо, одно лишь замечанье —
Не заменить ли ржанье на мычанье?

— Позвольте мне, — вперед шагнул баран. —
Создатель, славный труд! Отличный план!
Коня другим нельзя себе представить!
Нельзя ль еще рога ему приставить?..

Последним слово получил верблюд.
Он громко похвалил великий труд
И вдруг шепнул:
— Мой бог, такое дело...
Отсутствие горба — не слишком смело?!

Бог заявил без гнева, без улыбки:
«Спасибо, я учту свои ошибки!»

Насколько бог внимал чужим советам?
Теперь вы сами разберетесь в этом...

МОЯ ЖЕНА

Лапшу готовит: тесто и вода.
Готовит плов — сгорает половина.
Ее чурек с бродягой схож всегда:
Сверкают на боках зола и глина.

Кусаешь пышку, господи, — скала!
Пельмень в язык впивается осою!
Зато жена добра, умна, мила,
Наделена небесною красою.

Прелестные уста ее как мед.
Умеет петь, умеет веселиться, —
Хоть сводит мне от голода живот,
Я не могу ни упрекать, ни злиться.

И тучи, собираемые мной
Под темною нахмуренною бровью,
Она умеет шуткою одной
Развеять,
А не шуткой — так любовью!

Она к тому ж искусница, жена!
Как будто жемчуг под рукой искрится:
Узор, который вышила она,
Сияет, как диковинная птица!

Ум, добрый нрав, искусность —
Что нужней?
Наставницы прекрасной молодежи,
Вы матери—
До свадьбы! —
Дочерей
Обед готовить научите все же...

1971

* * *

Ты можешь целый вечер говорить —
Что ж, говори. Но, чур, не заболтайся.
Ты можешь больше всех себя ценить —
Не выглядеть павлином попытайся.

Друг прям и честен — он родной твой брат,
Напрасно на него не обижайся.
Кто брата приобрел, вдвойне богат.
Ты от своих богатств не отрешайся.

Ты можешь пить вино, коль стол накрыт,
Но на ногах остаться постарайся.
Люби, раз любишь. Злись, когда сердит —
Ни другом, ни врагом не притворяйся.

Страстям предаться можешь.
Но средь них
Есть разные: дурным не предавайся.
Ты любишь милых жен друзей своих?
Люби, да только, друг, не забывайся!

1972

ТРИ СЛУЧАЯ ИЗ ЖИЗНИ КЕМИНЕ

1. КЕМИНЕ И ПИР ЭРАЛИ

Простыл Кемине. Ой не сладко певцу:
Распухшие уши ему не к лицу!

Спросил его пир Эрали за столом:
«Ты что — поменялся ушами с ослом?!»

«О да, господин мой,— ответил поэт,—
Ты прав, и нужды в отрицании нет.

Ты взял у осла его ум. Ну, а мне
Взять уши пришлось: опоздал Кемине!»

2. КЕМИНЕ И ВТОРАЯ ЖЕНА

Жена Кемине в лучший мир перешла,
И взял он вдову из другого села.

Чуть дом Кемине погрузился во тьму,
Избранницу новую вводят к нему.

А он и не видел, какая она!
Во тьме ему шепчет вторая жена:

«О счастье — женою мудрейшего стать!
Пред кем я должна буду завтра предстать?»

Проснулись они, и при виде жены
Поэт содрогнулся — страшнее войны!

Сказал Кемине: «Здесь друзья и родня.
Предстань перед всеми ты! Кроме меня...»

3. КЕМИНЕ И МУЛЛА

Козу и козленка держал Кемине.
Заходит мулла — нынче мясо в цене!—

И молвит с порога: «Какой ты поэт,
Коль в доме твоём угощения нет!

Зарежь, что ль, козленка. На радость мулле
Пусть варится свежее мясо в котле!»

В ответ говорит Кемине: «Я бы рад,
Но этот козленок — молочный мой брат!»

Мулла удивлен: «Это как понимать?!»
«Да так, что коза — мне приемная мать.

Мы вскормлены с братцем одним молоком:
Он — этим соском,
Я — вот этим соском».

НА ОДНОМ ПИРУ

Старики, юнцы, мужчины —
Люди разных возрастов —
Собрались не без причины
В этом доме: подан плов!

Миски выскреблены чисто,
Отдыхает стар и мал.
Тут зеленый чай душистый
Засиял внутри пиал!

Там — зевота, тут — икота,
Здесь беседа началась:
«Помню, я домой с охоты
Возвращался как-то раз.

У ноги — два гончих пса...»
Но не все
Такие речи
Могут слушать два часа.

И любителю охоты
Кто-то крикнул: «Пожалей!»
Перешли на анекдоты —
Сразу стало веселей.

Неожиданно поднялся высоченный гость Ораз
И сказал: «Друзья, давайте помечтаем-ка сейчас!
Говорите без утайки — кто бы что бы отвечал,
Если б прямо с этой крыши громкий голос прозвучал,
Вопрошая — что ты хочешь в этом мире, человек?
Ты о чем мечтаешь втайне, чтоб счастливым стать
навек?»

Все понятно?

Ну, к примеру, что бы ты ответил, Клыч?»
— Я желаю в лотерею новый выиграть «Москвич»!
«Ну, а ты, скажи по чести, что потребуешь, Кемал?»
— Лучшую из всех красавиц я б своей назвать желал!
«А какие, брат, запросы у тебя сейчас, Пена?»
— Очень хочется, чтоб сына подарила мне жена!
«Расскажи, о чем мечтаешь, что влечет тебя, Азат?»
— Я хочу весь мир объехать и вернуться к вам назад!
«А тебе, Гельды, что нужно? Да проснись же ты,
толстяк!»
— Чтоб меня до самой смерти кто-нибудь кормил за так!
«Я надеюсь, ты без просьбы не уйдешь домой, Меред?»
— Мне сосед хороший нужен. У меня плохой сосед!

В общем, множество желаний изъявили млад и стар —
Кто-то требовал немедля вечной молодости дар;
Молодой джигит, который гордо голову носил,
Вдруг по физике пятерку очень робко попросил.
А один отец семейства (видно, старший сын — жених)
Попросил платков десяток — самых лучших шерстяных:
«Только черных не давайте, мне зеленые нужны!»
Уточнял он торопливо,
Словно некто с вышины,
Не дослушав хорошенько, уговору вопреки,
Протянул ему небрежно эти черные платки!

Подведем итоги кратко:
Круг желаний был таков —

От бессмертья до десятка
Ярких, с розами, платков.

Вещи разного порядка...
Ну, а как же быть с умом?

Очевидно, недостатка
Не испытывалось в нем.

1971

ДИАЛОГ АХАТА С МУХАТОМ

— Была красивой первая жена,
Держалась гордо, говорила смело.
Вторая — хороша, да неумна:
Двух слов связать как надо не умела.
Женился в третий раз — ума палата!
Порою не успею рта открыть —
Поморщится жена...
Прошу как брата:
Друг, научи, что делать мне? Как быть?

— Была красивой первая — и что ж?
Ее извел ты ревностью пустою.
Вторую ты не ставил ни во грош,
Считая, что она тебя не стоит.
А третья, видно, умница и в правду,
И глупости ей слушать недосуг.
Поэтому советую, как брату:
Придешь домой —
Болтай поменьше, друг!

1972

ИЗРЕЧЕНИЯ МОЕГО ОТЦА

1

Ум бороду заменит иногда,
Но не заменит мудрость борода.

11

Человек не боится того,
Кто без страха глядит на него.

111

Если думаешь о смерти,
Говорят, серчает жизнь.
Если думаешь о жизни,
Говорят, серчает смерть.
Если думаешь о каждой —
Две обиженных, заметь.
Наноси обиды первой,
Со второю — подружись!

IV

Так кто же он: надежный друг или нет?
Пожалуйста, задумайся об этом...

Шагай смелее! Шире шаг —
Победу легче добывать.
Шагай, сынок, да только так,
Чтоб шаровары не порвать...

— Отец,— спросил я,—
Выглядишь ты слабым,
Но, вижу я, от смелых слов твоих
Покоя нет ни баям, ни мирабам,—
Но почему ты не боишься их?

Он отвечал:
— Сынок, да не годится
Опасности трусливо избегать!
Уж если мышь на мельнице родится,
То гром ее не может испугать!

Скажут:
«У правдивых нет друзей!»
Есть ли толк в словах несправедливых?
Без друзей, на памяти своей,
Я и не встречал людей правдивых.

Но, случалось, в прежние года
У правдивых было их немного,
Но они для многих и тогда
Указали верную дорогу!

Как бы ни были в жизни преграды грозны,
 Отступленье — позор для джигита.
 У преграды — четыре всегда стороны,
 А из них хоть одна, да открыта!

IX

Если горы вокруг,
 Если с другом беда,
 Если выручить надо его —
 И тогда
 На мгновенье одно
 Заколеблешься вдруг,
 Знай: на это мгновенье
 Ему ты не друг.
 И чем больше
 Подобных мгновений сочтешь,
 Тем ты меньше
 На верного друга похож.

X

Дружба — здание не простое:
 Жить в нем будут две души.
 Не спеши его построить
 И разрушить не спеши.

В спешке строить — здание шатко:
 Лягут камни вкривь и вкось.
 В спешке рушить без остатка —
 Пожалеть бы не пришлось.

— Отец мой, зачем ты твердишь мне о том,
 Что друга, с которым я с детства знаком,
 Я сливками должен считать, и притом
 Себя самого — лишь снятым молоком,
 Какими-то даже опивками?

— Сынок, неужели тебе невдомек,
 Что будет он спорить с тобой, твой дружок,
 И будет великий от этого прок:
 Пойдет у вас все как по маслу, сынок.
 И оба вы станете сливками!

XII

Сынок, ты вижу, смотришь на меня,
 Завидуя порой моим сединам.
 И ты о том не думаешь, что я,
 Завидуя, люблюсь юным сыном.

Юнец всегда мечтает стать взрослей,
 А старец юным быть желает снова...
 От самых давних дней
 В сердцах людей
 Живет желанье возраста иного.

XIII

«Разделит печаль твою лучший друг!» —
 Так принято говорить.
 — А если ему всегда недосуг
 Со мною радость делить?
 «Умрешь — и примчится друг на коне!» —
 Так принято говорить.

— Он в трудный мой час не спешил ко мне...
Теперь-то к чему спешить?

xiv

О, этот человек прекрасен так,
Что встречу с ним вовеки не забуду.
Я поднял бы его на Копет-Даг,
Чтоб был он виден людям отовсюду.

Но выси Копет-Дага самого,
Пожалуй, низковаты для него!

А этот — зол. Он столько обманул!
Даешься диву — скольких он обидел!
Мне спрятать его хочется в Чунгул¹,
Чтоб больше уж никто его не видел.

Но глубина Чунгула самого,
Пожалуй, мелковата для него!

xv

Коль ты кувалда — бить тебе резон.
Коль наковальня — крепким быть резон.
А если ты не то и не другое,
О горе, для чего же ты рожден!

xvi

Писал бы я историю народа —
Я б время разделил чертой одной:
Что было до семнадцатого года —

¹ Самое глубокое ущелье в Копет-Даге.

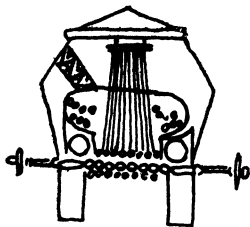
Зову зимой!
Все, что потом,—
Весной!

Вы скажете: «И раньше весны были!»
Конечно, были,— отвечаю вам,—
Они цветам прекрасным жизнь дарили,
Дарили жизнь степям, садам, полям.

А людям было голодно и сир...
Когда ж пришли иные времена,
Почувствовать смогли все люди мира:
Настала
Настоящая Весна!

1965—1972

ПОЭМЫ

ДЕД ТАЙМАЗ

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ТАЙМАЗОМ

1

Тихий взгляд
Из-под сонных век,
Сеть морщин,
Борода седа
И усы его, словно снег,—
Старый, кажется, человек,
Но душа его молода.

Знает множество песен он.
Молодым интересен он:
Смех несется со всех сторон —
Все смеются,
Коль весел он.

Редко встретишь,
Хоть свет велик,
Стариков,

Как Таймаз-старик,
Шутников,
Как Таймаз-шутник.

Если он поведет рассказ,
Пронесутся за часом час
Незаметней секунд для вас,
Удивительный дед Таймаз!
По пути завернешь к нему,—
У него, как в своем доме,
Молодой ты
Или старик,—
Он поднимется в тот же миг,
Всех достойно встречать привык,
С каждым общий найдет язык.

То он ласков,
То взгляд колюч,
То в глазах — словно солнца луч,
То пошутит,
То побранит,
Будто к каждому сердцу ключ
Он в кармане своем хранит.

У него все есть для тебя:
Дорогая весть для тебя,
Сладкозвучный саз для тебя
И простой рассказ для тебя;
У него дестан для тебя
И хмельной айран для тебя,

Самодельный сыр для тебя,
И чурек-петир для тебя,
Распростер сачак для тебя,
Теплота в очах для тебя.

Если сказку начнет Таймаз,
До утра не отпустит вас.
Прокричит петух старику:
«Скоро утро!
Ку-ка-реку!
Говори, да не позабуди —
Про запас оставь что-нибудь!»
Или скажет Асман-эдже
(Так зовут жену старика):
— Видишь, зорька недалеко,
Гостю некогда спать уже,—
Хоть и слушает,
А в душе
Он вздыхает, наверняка:
«Ох, и присказка велика!»
Но не внемлет жене старик,
Отмахнется рукой едва.
Словно глину в огне, старик
Обжигает свои слова.
Сам месил
И лепил один.
И не требует он наград;
Слово каждое,
Как кувшин,
Перед гостем поставить рад.
А попробуешь возразить,
Может шуткою пригрозить.
Кто знаком с ним,
Смеется сам
И ему не дается сам,
А неопытный, новичок —
Лишь вздыхает:
«Ох, старичок!»

...Как-то, помнится, вечером
«Заседали» мы за чайком.

Поздравляли Таймаза мы;
Поднимали три раза мы
Тост,
По-новому каждый раз,
Не сводили с Таймаза глаз.

— Как прекрасна твоя судьба!
Богатеев свалил с горба
И на новых просторах, дед,
Ты живешь уже сорок лет,
Невзирая на ворох лет,—
Потому ты нам дорог, дед,
Голос молод,
Хоть волос сед,
Прожил ты шесть десятков лет.
Так расщедрись, Таймаз-баба,
В этот вечер молчать не след.
А, тем более, с датой той
Совпадает и галпак-той¹.
Внук впервые острижен твой,
Волос, как у тебя, густой.
В этот вечер молчать нельзя.
Намечается пир двойной:
Сочетаются, как друзья,
Детский пух
С твоей сединой.

Веселится старик в душе.
Ходит по двору взад-вперед,
И старуху Асман-эдже
«Молодухою» он зовет.
— Эх, в зеленом курте своем,
Что к лицу молодым одним,

¹ Семейное торжество по случаю первого бритья волос на голове младенца.

Ты б явилась невестой в дом
К молодому...
Я был бы им!
И Асман-эдже сразу в тон
Добавляет Таймазу в тон:
— Стать хотел бы ребенком он,
Страсть имеет к пеленкам он,
Все о соске мечтает он!

Зашумела толпа гостей:
— Ждем, Таймаз, твоих новостей.
Разных присказок ворох ждем,
Шуток и поговорок ждем.
Чай себе в пиалу налей
И гостей своих пожалей,
Начинай свой рассказ скорей. —
Дед, откашлявшись, так сказал:
— Чай пока что белей, чем чал.
Пусть заварится, чтобы стать
Солнцу льющемуся под стать.

Ставьте чайники мне подряд,
Пусть, ленивые, побурлят,
О кипенье поговорят,
Я ж немножечко помолчу —
Их послушать сперва хочу. —
Молча дед повел бородой
И папахой тряхнул седой.
— Попросят гости тебя, друзья, —
Возмутилась его жена, —
Или, может, считаешь — я
Говорить за тебя должна?

Посмотрел Таймаз на нее:
— «Небо» значит имя твое.
Ты об этом не позабудь;

И достойною неба будь,
И спокойной, как небо, будь,
И широкой, как небо, будь.

И промолвив: «Всеми — свой срок»,
Он, носком по кошме шурша,
Сказку начал,
Спокоен, строг, —
Словно молодости клубок
Перематывал не спеша.

РАССКАЗ ТАЙМАЗА

2

Дом Тилки-бая так «хорош»,
Что не купил бы и за грош,
Посмотришь —
И бросает в дрожь.
Вот как богатый бай живет.
Поджарый у него живот,
Как будто он не бай,
А пес,
Да он и ростом с гулькин нос,
И ест он
Собственную вошь
И клевер, что повсюду всхож.

Зато,
Коль гонят байский скот.
Пыль подпирает небосвод,
Скрывает облаком восход.

Хоть нет его стадам числа,
Он сам невзрачнее осла.
Его одежда так грязна,
Что как железная она,—
Ее наденет поутру,
Гремит одежда на ветру.
И воротник так загрязнен,
Что стал острее бритвы он.
В тот год,
Когда примчалась весть,

Что будет праведная месть
И что теперь надежда есть
Найти к освобождению путь
И баям головы свернуть,—
В тот год наш мельник пошутил:
«На Тилки-бая тратить сил
Не стоит мстителям пока —
Сам бритвою воротника
Зарежется, наверняка».

Вот был каков паш Тилки-бай!
Бедняк — работай,
Погибай.
А бай,
Среди чужих костей,—
Сам прозябай,
Но богатей.

Пятнадцать лет...
Пятнадцать лет
На маслобойне у него
Я, круг замкнув,
Топтал свой след —
На маслобойне у него...
Я гнал джуваз — тяжелый пресс,

По ровному, как в гору, лез
На маслобойне у него.
Он богател,
А я потел,
Познал усталости предел
На маслобойне у него.
Был зной жесток,
Был ветер лют;
А я все совершал свой круг
На маслобойне у него.
Был другом мне слепой верблюд,
Он шел вслепую, бедный друг,
Не понимая ничего.

Ночами снился мне очаг,
Едой заваленный сачак,
Горячий рис,
Румяный хлеб...
Я сам,
Как мой верблюд,
Был слеп.

3

Баям весело жить зимой.
Отчего им тужить зимой?
Перемерзнут — придут домой.
Но другое дело — бедняк:
Не прикроешь тела, бедняк,
А за милостыней с сумой
Отправляйся смело, бедняк!

...Неприветливым зимним днем
Ветром жгло меня,
Как огнем.

Мой товарищ, слепой верблюд,
Был, как я,
Изможден и худ.
Он один мог меня понять.
Я устал его погонять.

Не отнять ступней от песка,
В орача¹ моем ни куска
Хлеба нет
И нет огонька;
Просто — логово бедняка.

Вот каков был тогда мой «дом».
Я забрался в него с трудом
И увидел,
Что на полу
Там старуха сидит в углу.

Я опешил:
Не ждал гостей
И таких не видал гостей...
Иль храпит она,
Иль хрипит,
Или спит она,
Иль не спит?

Скатерть стала ей простыней,
Одеялом — скатерть моя.
И, недоброе затая,
Гостья молча следит за мной.

Это сказка,
Иль это быль?
Это платье,

¹ «Черная» кибитка.

Иль это пыль?

— Как посмела,— ее спросил,—
Влезть в чужое жилье? — спросил. —

Ты зачем в мой явилась дом? —
И, хотя был почти без сил,
Я над нею взмахнул кнутом.

Так способна только змея
Неподвижно смотреть в упор.
И подобного взгляда я
Не встречал еще до тех пор.
Взгляда выдержать я не мог
И едва не свалился с ног.

Вот портрет ее.

Только он

Пострашнее, чем страшный сон,

Незабытый, вчерашний сон...

Вижу космы ее, как есть,—

Жестки космы ее, как жечь,

Как медведя старого шерсть,

Что измазался в глине весь.

Кожа в трещинах,—

Вот напасть,—

Только курам в них яйца класть.

Можно в прятки в таких играть.

Дыня «старая дева» есть,

На которой морщин не счесть,

Верхний слой ее в сетке весь,—

Так покрыто сеткой густой

Все лицо у старухи той.

А на ноги ее взгляни —

Как верблюжьи лежат ступни.

(Извини, мой верблюд слепой,

Что сравнил я ее с тобой).

Я застыл...

И, казалось, страх

Цепь замкнул на моих устах.

Сердце в пятки скатилось, вниз,

Дыбом волосы поднялись.

Но, собравши остатки сил,

— Кто ты? —

Я у нее спросил.

— Кто ты? —

Кажется, камню я

Задал этот вопрос, друзья.

— Кто ты? —

Но тишина в углу.

— Кто? —

Молчанье на полу.

— Кто ты? —

Спрашивать я устал.

— Кто ты? —

Словно в уши ослу

Я молитву тогда шептал.

И без этого в сердце боль,

На рубашке от пота соль,

На сутулой спине мозоль,

И без этого нелегки

Были дни:

Жгли огнем пески,

Будто серые угольки,

А в пустом животе кишки

Разговаривали с тоски.

А сегодня — беда вдвойне:

Навязалась старуха мне,

Голова от нее в огне

И мурашек зуд на спине.

— Кто же ты? —

Кричу сгоряча,—
Что явилась в мой орача?
Ты глуха?
Иль ты нема?
Что молчишь?
Я сойду с ума!
Может, странница — где ж сума?
И во сне б не приснилась ты.
Может, свахой явилась ты?
Или ядом набита ты?
Или бедных защита ты?
Но старуха во тьме угла
Веки тяжкие подняла,
Веки, сморщенные бедой,
Как желудок овцы худой.

Старой мискою об пол — хлоп,
Вот сейчас мне запустит в лоб.
Вилы ржавые я схватил
И накиннулся из угла,
Но старуха, при виде вил,
Даже бровью не повела.
Только, камень из ступы взяв,
Потемневшие губы сжав
И вонзая в меня зрачок,
Пальцем согнутым, как крючок,
Погрозил мне:
— Дурачок! —
И прошамкала, наконец:
— Ты меня не узнал, юнец?
Знаешь, только родился ты,
Как со мной породнился ты.
Ты лежал на земле, крича,
Я вошла к тебе, не стуча,
В этот нищенский орача.
Мы сроднились с тобой навек,

И тебя мне не позабыть,
Быть твоею судьбой навек,
Нареченной твоею быть.
— Нареченной,
Старуха,
Мне?
Я скорее сгорю в огне!
Ты сейчас же умрешь от вил,
Коль тебе уходить не спех!..—
Но меня тут остановил
Раздирающий душу смех:
— Много было и до сих пор
Угрожавших мне, как и ты.
Мало вил, так бери топор,
Но попытки твои пусты.
Ты уж лучше меня не трожь,
А не то сам себя убьешь.
Мы сроднились с тобой навек,
И тебя мне не позабыть —
Быть твоею судьбой навек,
Нареченной твоею быть.

Не забуду ее зевок,
И ее головы кивок,
И зрачок ее, как плевок...

Шевельнула она губой,
Подмигнула щекой рябой.
Был испуган я, как бедой,
Образиной паучьей той,
Прошипевшею, как змея:
— Нареченная я твоя!—
Мне хотелось забыть ее,
Мне хотелось убить ее
Иль в колодец свалить ее.
Но, боясь разозлить ее,

Я решил умолить ее.
В угол вилы швырнул скорей
И еще улыбнулся ей:
«Ай, мамаша в твои года
Ни к чему приходить сюда...
Неудобно тебе во мгле
На холодной сидеть земле,
Если там,
За барханом тем,
Семикрылых кибиток семь,
Там в колодцах свежа вода,
Наподобие туч стада.
Вкусно пахнущие костры,
Струйки дыма дрожат, быстры,
И халаты лежат, пестры,
Золотое на них шитье,—
Вот какое у них житье!

Для чего же тебе мое
Трижды проклятое жилье?
Ты измучена и стара,
И тебе на покой пора».

Из-под сморщенных, темных век
Мне блеснул потеплевший взгляд.
Крик восторга:
«Хей, джанэлек!» —
Я уже испустить был рад.

Вдруг я понял, взглянув опять
В слабый, сумеречный полусвет:
Рано «Хей, джанэлек!» кричать.
И услышал ее ответ:
— Не уйду, нареченный мой,
Хоть и не обручен со мной,
Будь со мной,

Обреченный мой,
Не найду от тебя дорог,
Не ступлю я за твой порог.

Я ж устал от ее речей —
Мне казалось: в желудок мой
Забрались двенадцать чертей
И затеяли страшный вой.

Хоть от страха я изнемог,
Бросил в ступу жмых, истолок,
И, раздув в очаге огонь,
Я лепешку себе испек,
Что размером с мою ладонь.
Подкрепившись,
Набравшись сил,
Я спокойнее забасил:
Мол, тебя огорчить боюсь, —
После жатвы, клянусь, женюсь.
Только разве ты пара мне?
Что же делать со старой мне?
У тебя уже много лет
Ни единого зуба нет.
Жаль, не стала еще немой —
И кричишь:
«Нареченный мой!»

Затряслась ее голова.
И — в ответ на мои слова:
«Недостойн достойных ты,
И при жизни покойник ты!
Счастье,
Нищего не любя,
На том свете найдет тебя».

Я горбунье старой в ответ
Прокричал тогда сгоряча:
— Нет, не к слеху мне на тот свет.
После жатвы,
Даю обет,
Я красавицу юных лет
Приведу к себе в орача.

Но, кибитку тряся,
В пыли
Из пустыни ветер влетел
И совсем, как Меджнун с Лейли,
Он с кибиткой моей запел.
Пели б пусть,
Не мешал бы я,
Только мне не дают житья.
Пусть бы пели,
Но песни стон
Холодит меня, словно лед,
И влюбленному пенью в тон
Мой желудок пустой поет.

Так вот, думая об одном,
Я забылся тяжелым сном,
Изогнувши спину серпом
И в колени упершись лбом.

Много, мало ли я там спал,
В шалаше небогатом спал,
На песочке покатою спал,
С «нареченною» рядом спал.
Свежий ветер и крик в ушах:
Мне зарю возвестил ишак.
И увидел я вместо сна —
Краски первые, что чисты,
Краски утренней красоты...

Но сидела в углу она.
В страхе я закричал:
— Кто ты?

4

Я, говорят, —
(А сам забыл) —
Тогда красивым парнем был.
У маслобойни,
Где весь день
Гонял я собственную тень,
Где ветер кожу мне дубил
И засышал глаза песком,
Большой колодец вырыт был
И укреплен гребенщиком.
И от него близка была
Кибитка пастуха Кулла.
В ней дочка пастуха жила.

Она — вдова, иль кайтарма,
Зрачки черней, чем ночь сама,
Казалось мне — дороже нет
Ее отличий и примет.
И мог свести меня с ума,
Красой особой был согрет —
Пендинки чуть заметный след,
Оставшийся от детских лет.

И, помню, по утрам, когда
Она ходила за водой,
Влюбленным взглядом я всегда
Шел за вдовою молодой,
Глазами к ней прикован был,
Так ею очарован был.

Не пропуская ничего,
Ловил мельканье смуглых рук
Из-за верблюда своего.
А был он слеп.
И оттого
Ее не видел, бедный друг.

Когда ж, к колодцу подойдя,
Она бралась за колесо,
Гремела в глубине бадья,
Мне виделись рука, лицо,
Стучало сердце:
— Обернись,—
И падало с бадьею вниз.
Собравши смелость всю свою,
Порой, к колодцу подойдя,
Я ей вытаскивал бадью,
Глаз от вдовы не отводя.

А муж ее — пастух Мадтак
Был кроток,
Никому не враг,
Но полетел в колодец вдруг,
Что глубиной — примерно так
На сорок распростертых рук.

И десять лет вдовой жила
Дочь пастуха.
И с ней — отец:
Хоть дома не бывал Кулла,
А день и ночь он пас овец;
Моя кибитка и его —
Вблизи оврага одного.
И оставалась дочь всегда
Одна.

Ей было двадцать пять.
О, есть ли лучшие года!
И я мечтал о ней опять...

5

...Я посеял,
Обмолотил,—
Словно землю омолодил.
Хоть работал я дотемна,
Не досталось мне ни зерна.
С урожаем большим пока
Вот разделаюсь,—
Думал я;
С темной долею бедняка
Вот разделаюсь,—
Думал я;
С глупой жизнью холостяка
Вот разделаюсь,—
Думал я.
Но, когда этот срок настал,
По-другому я жить не стал:
Тилки-бай ничего не дал
Со двора своего,—
А там
Для зерна не хватало ям.
И, тряся бедняков дома,
Злым верблюдом пришла зима.
Ветры бесятся, отдохнув,
Девять месяцев отдохнув,
Нам пустыней в лицо дохнув.
Ворвалась ко мне в орача,
Будто вдруг сорвалась с цепи.
Обожгла меня, горяча,
И завывала, будто в степи,

Задубелой кошмой стуча:
«Ты кибитку мне уступи!»
И портянкой моей худой,
Что сушилась над очагом,
Наигравшись,
В кувшин с водой
Уронила ее потом.

Хоть от ветра застыла кровь,
Я портянку повесил вновь.
Чтоб опять очаг задымил,
Я от веника отломил
Две соломинки,
Подложил
Под колючку их
И поджег,
У коптилки взяв фитилек.
Но очаг покачал слегка
Голубеющим огоньком,
Птичьим тоненьким язычком,
Не хотел согреть бедняка,
Посмеялся над бедняком.
Едкий дым переполнил рот,
Мысль обрушилась на меня:
Это милостыню сует
Мне всевышний взамен огня.
Мир кляня, заметался я,
Без огня оставался я.

Вдруг качнулась кошма слегка
От холодного ветерка.
Иль коснулась ее рука?
— Заходите! Входите! Да! —
Прокричал я, смотря туда,
Где с портянки текла вода,
Покачнулась кошма едва,

Покачнулась едва кошма,
И в кибитку вошла вдова —
Черноглазая кайтарма.
И сказала она тотчас:
— Свадьба будет в семье у нас,
Приходите и вы, Таймаз! —
Вот она —
В халате своем,
Продырявленном на локтях,
И в накинутом второпях
Головном уборе простом,
Чуть украшенном серебром...
Я ее поблагодарил,
Быть на свадьбе пообещал.
Обещание повторил,
Что-то сбивчиво говорил
И в смущении замолчал.
— Кто невеста, а кто жених? —
Стал расспрашивать я о них,
Но вертелось в уме одно,
Что хотел ей сказать давно,
Что хранила давно мечта,
Но ни слова сказать не мог!
Несказанная красота
Приоткрыть не давала рта,
Заперла уста на замок.

Но решил я:
«Хоть бы бог
Свадьбу справить и мне помог!»
И взглянул я на кайтарму.
Та — ни слова...
Но почему?
И, чтоб ей помешать уйти,
Снова начал я вздор нести:
— Послезавтра я к вам приду,

Послезавтра я сам приду.
Погуляю я там, приду... —
Оглядела мое жилье.
— Что, портянка твоя мокра?
Или выстирана с утра?
И, смущенье поняв мое
И боясь получить ответ,
Убежала...
Рвалось ей вслед,
Билось сердце в моей груди:
«Подожди, подожди, подожди!»

6

Я слал проклятья в небеса:
На бедность напустился я.
Не час, не два, не три часа —
Весь долгий день кружился я,
Под скрип унылый колеса,
С которым все ж не сжился я.
Слепой верблюд, горбом тряся,
Шагал. С ним подружился я.

Мне опостылел мой джуваз,
Стал для меня тюрьмой джуваз.
Под вечер схвачен тьмой джуваз.
«Пора идти домой, Таймаз!»

Но чуть вошел в свое жилье,—
Попятился;
Постой, постой,
Мое жилье иль не мое?

Кумган стоял вчера пустой,
Сейчас — со свежую водой.
У очага — петир-чурек,

Лоснящийся румяный круг.
Портянку белую, как снег,
Повесил незнакомый друг.
Портянка, что была худа,
Заменена теперь другой,
Она сверкает —
Хоть куда!
Но — кто?
Кто покровитель мой?
Кто без меня входил сюда?
Признайся, всемогущий бог,
Кто принести все это мог?

Я вспомнил свет любимых глаз,
Увидевших беду мою;
Я вспомнил:
Вспыхнула тотчас
В них жалость к моему житью...
«Она» вошла в мою судьбу.
И я, догадке этой рад,
Не ведавший других наград,
Портянку приложил ко лбу.

Портянку на две разделив,
Я крепко ноги обмотал.
Щепотку чаю заварив,
Жевать чурек румяный стал.
Ах, как прекрасен был чурек,
Такого не едал вовек!
Чай закипел на очаге,
В портянке хорошо ноге.
Ходил всегда я «налегке»
И сытым не бывал ни дня.
А ныне — праздник у меня!
Спокойно стало на душе:
Я рай увидел в шалаше.

Заштопал брюки я иглой,
Зашил рубашку у плеча.
Пушай бушует ветер злой —
Тепло в дырявом орача.
Пусть бесится Буркут-баба
(Так назывался бог дождя),
Пусть-ливня гулкая труба
Гудит, кибитку не щадя.
Но в сердце у меня покой:
Лежит подарок под щекой.

Я прогоняю ночи тьму,
Зову рассвета синеву,
Чтобы увидеть кайтарму —
Черноволосую вдову.

7

Словно приберегла весна
К поздней осени свой денек.
Беднякам помогла весна;
Распотодилось, даль ясна,
Солнце — ярким ковром у ног.
Над кибиткой — голубизна.
Если б год весь таким быть мог,
Беднякам бы он жить помог!

И в красивый такой денек
Наведет красоту Таймаз...
Вспоминается, как сейчас:
Волос щипчиками тянул,
Негустой бородежки клок
Я повыщипал,
И тотчас
В полутьме орача

Блеснул
Подбородок, как медный таз.

На работу я поспешил
И пораньше уйти решил.
Поскорей бы сгустилась тьма,
Поскорей бы спустилась тьма —
Мне казалось:
Джуваз — тюрьма,
Если ждет меня кайтарма.

Но позвал меня Тилки-бай:
— За дровами, — сказал, — ступай! —
До рассвета я спину гнул.
И ломался под топором
Неподатливый саксаул, —
Только слышался треск да гром.
Но обиду я прочь тоню:
«Хоть поспеть ко второму дню!» —
Ведь на совесть трудился я...
И к исходу второго дня
Все же освободился я.

И, не чуя ног под собой,
Побежал.
И поспел на той.
Небогатый был той,
Простой;
Но и первый день и второй
Был народ со всего села
Во дворе пастуха Кулла.
«Баш салмак», —
Свадьбы день второй, —
Занимаются все игрой;
Молодой —
Головной убор

Прежде девичий был под стать,
Не в укор убор головной,
Только надо его менять
На убор головной иной,
Если будет она женой —
Ей не в пору он с этих пор.
Стали девушки в круг сплошной —
Не дают убор головной,
Юный, девичий и родной.
Проявляют женщины прыть,
Не желают повременить...
Взгляды многих гостей горят,
Наблюдающих за борьбой.
Веселит их такой обряд,
Сами б ринулись в этот бой.
Смотрят в дыры кибитки все,
Одобряют попытки все
Женщин — старых и молодых,
То неистово хохоча,
То смолкая,
А то крича.
Так и ждешь, что от крика их
Вмиг обрушится орача.

Среди борющихся, пряма,
Кайтарма моя, кайтарма.
В бой вступает она с одной
Тилкибайскою злой женой.
Та, массивна и здорова,
Наступала на кайтарму,
Но схватила ее вдова,
Покружила ее вдова —
И обрушила на кошму;
И упала та, чуть жива.
Но другая вступила в бой
С победительницей-вдовой.

Словно пава шагнула к ней,
Чуть заметно живнула ей
Гордо поднятой головой —
Видно, эта была сильнее
Побежденной толстухи той.

Отступила вдова на шаг,
Сильно дернула за кушак,
И, толкая
И теребя,
Опрокинула на себя,
И швырнула ее к котлу,
Что стоял, кверху дном, в углу.
И, отметив вдовы успех
И заметив, как та дрожит,
Кто-то перекричал наш смех;
— Вот котел на котле лежит!

И шепнула вдова тотчас:
— Сами лезете на рожон,
Много мучают баи нас,
Мы помучаем байских жен.

Тут еще одна в круг вошла,
На вдову она вдруг пошла,
Угрожающе тяжела;
— Что забылась ты, наконец,
Без стеснения всем грубя!
Если, девушка, ты — борец,
Разреши испытать тебя.—
И, браслетами загремев
И монетами зазвенев,—
А на каждой монете — лев! —
Грозно ринулась на вдову
(Нам сама она, озверев.
Показалась подобной льву)

Но не дрогнула кайтарма,
И — давай наступать сама.
И, пальвану-борцу под стать,
Не щадила она жены,
Стала ребра ее считать,
Те, что жиром окружены.
И обрушила в угол вдруг,
Под раскатистый смех подруг,
Так легко, как пустой бурдюк.

— Ну-ка, сунься еще разок! —
Крикнул я,
Промолчать не мог.
Оторвав от кошмы шнурок,
Сам едва не свалился с ног.

А поверженная жена,
Дерзким криком поражена,
Победительницею кляня,
Злобно глянула на меня.

8

Вернулся в полночь я домой.
Не мог уснуть среди темноты —
За черноглазой кайтармой
Летели все мои мечты.
Никак не шел упрямый сон —
Она боролась байских жен,
Но я
Был ею сокрушен...

Глаза черней, чем ночи тьма,
Меня сводившие с ума,
Пендинки чуть заметный след,

Оставшийся от детских лет...
Во сне шептал я:
— Кайтарма!..

Но я невыспавшийся встал,
Сна до конца не прочитал —
У входа нищий причитал:
— Не пожалей для старика
Из бурдюка
Воды глотка.
Коль освежит меня вода,
Не сокрушит тебя беда.
Не пожалей для старика
Сухого, черствого куска.
Коль подкрепит меня чурек,
Не будешь горя знать вовек.—
Прохожий с нищенской сумой
Исчез за рваною кошмой,
Унес с собою завтрак мой
(Хлеб, что к утру я сохранил,
С водой, которой дорожил:
Ведь мой кумган наполнен был
Заботливою кайтармой).
Вдруг слышу я:
Земля дрожит,—
Бегу во двор.
Престранный вид:
Плешивый писарь на коне
Галопом подскакал ко мне.
И, поднимая шум и гам,
Хлестнул себя по сапогам.
И, покрутив концы усов,
Промолвил, важен и суров:
— Перед рассветом завтра будь
На сборном пункте у стола;
И сына пастуха Кулла

Предупреди,
Не позабудь...

И рта раскрыть я не успел,—
Он заорал: «Покуда цел,
Помалкивай, не тывкай зря,
Запомни — есть указ царя!..
У нас такие не кричат.
Не забывай, щенок, притом,
Что под кустом ты был зачат
И что родился под кустом!»

Кровь закипела у меня..
Он ускакал, хлестнув коня.

9

На нарах целый день вдвоем
Мы со вчерашним женихом.
То слушаем колесный гром,
То песню грустную поем:

«У одних никогда
не смолкает той,
У других лишь беда
идет за бедой.
Все пройдет чередой,
пройдет и бедность»¹.

Так всю дорогу пели мы.
Летели
Сквозь метели мы.
Взобраться к богу — высоко,
К царю пробраться — далеко,
И свой удел терпели мы.

¹ Из стихотворения Кемине «Бедность».

Куда в вагоне нас везли
Вдоль нескончаемой земли
По Казахстану,
По Руси?..
В дождь проливной
И в снегопад,—
Вперед-назад,
Вперед-назад,
Туда-сюда песок носи,
Трудись,
Пощады не проси,
Строй укрепления для солдат.

И этих бесконечных мук
Не выдержал Майдан, мой друг,
Не выдержал Майдан, мой брат,—
Не возвратился он назад.
Он малярией заболел.
Как снег в России,
Стал он бел.
Однажды он не смог идти,
Остановился на пути.
Надсмотрщик царский закричал
И разрядил в него наган.
Березкой ветер покачал,
Где похоронен был Майдан.
Его слова прервал металл,
Но до сих пор они слышны:
Тогда чуть слышно прошептал
Он имя молодой жены.

С тех пор остался я один
Среди оврагов и равнин,
Туркмении далекой сын...
Под Брянском шпалы я кидал,
Они звенели о металл

Тяжелых рельс.
Чугунный стук.
Под завыванье русских вьюг
Укладывали путь.
И вдруг
Упала шпала.
Вскрикнул я...
И левая нога, друзья,
С тех пор волочится за мной.
И я отпущен был домой,
Где путника с пустой сумой
Ждал орача далекий мой.

10

В орача родном,
В тишине,
Чуть вернулся я,
Как в бреду
Иль в каком-то кошмарном сне,
Та старуха явилась мне:
— Возвратился ты на беду.
Я тебя с нетерпеньем жду...
— Ты откуда?—
Я крикнул ей,—
Не желаю таких гостей! —
Ворот пальцами теребя,
Мне в ответ она:
— Дуралей!
С нареченною быть своей
До конца твоих нищих дней
Сам всевышний обрек тебя.
Я ходила везде с тобой,
Я была и в труде с тобой,
Я была и в беде с тобой.—

Перечислила все точь-в-точь:
Где сидел,
Где провел я ночь,
Что я ел
И что говорил,
И какой я табак курил...

— Убирайся отсюда вон,
А не то будет худо! Вон!
Уходи, чтоб твоя нога
Не поганила орача.

Уходи от меня, карга,
А не то — убью сгоряча.
Тоже, пару себе нашла!
Уходи, откуда пришла! —

Засмеялась она:
— Чудак!
Ты задумал меня пинать,
Но пинали меня не так,
А никто не сумел прогнать.
Мне тащиться не лень с тобой,
Я везде, каждый день с тобой.
Я живу, словно тень, с тобой.
Твоя мать,
И отец,
И дед —

Без меня не бывали дня,
Хоть надеялись много лет,
Что избавятся от меня.
Как тебя,
Я любила их
И, любя,

Не щадила их —
Проводила в могилу их.

— Это ты погубила их? —
Закричал я, взмахнув серпом, —
За убийство родных моих
Наземь свалишься ты снопом!

Серп острее был, чем кинжал.
Я на горло ее нажал,
А она мне в ответ:
— Чудак!
Убивали меня не так,
Только я до сих пор жива,
На плечах моя голова,
Ты ж наносишь себе ущерб —
Свой единственный тупишь серп. —
Я попробовал серп:
Остер, —
Я со лба капли пота стер,
И кибитку сковала тишь,
Голоса схоронив живьем.
И в кибитке —
Кошка и мышь —
Мы остались с ней жить вдвоем.

“

«Ишак мой, —
Поговорка есть, —
Весна придет...
Не умирай!..»
Так эта радостная весть
Пустынный огласила край:
Отныне будет бедным честь,

И вдоволь пить,
И вдосталь есть,
И властвовать не будет бай;
Постой, бедняк, не погибай.

Гляди, как скачет байский род,
Заволновался байский сброд,
Узнав, что победил народ.
Такой в ногах у баев зуд,
Как будто баям пятки жгут
Пылающие угольки,
Насыпанные в сапоги.
— Слыхали? —
Прискакал гонец.
— Слыхали? —
Солнца свет погас.
И мира близится конец.
— Конец для баев, не для нас!

Песчаная витает мгла.
Качает головой мулла.
Не разберешь священных слов,
Но обращен на горы взор,
Чуть долетит ослиный рев
Со стороны высоких гор.

В испуге шепчется народ:
— Теджал идет!
— Теджал идет! —
Ужасный шум у всех в ушах:
— Теджал идет! —
Ужасный гул.
Теджал (дракон или ишак)
Всех поведет на страшный суд.
Под стук испуганных сердец
Он света предсказал конец.

Но не боялся бедный люд:
«А может, лучше там, чем тут!..»
Пять лет прошло.
И десять лет.
Ну, а Теджала нет и нет.
Луна все так же шлет привет,
Но счастья — больше,
Меньше — бед...

12

— Ну, сынки мои, поздний час,—
Оглядел молодежь Таймаз.—
Звезды смотрят с небес на нас;
Но нельзя оборвать рассказ.

В миске капелька чала есть.
У рассказа начало есть.
Каждый спросит:
«Отец, Таймаз,
Где рассказа конец, Таймаз?»

Что же, требуйте,
Вы правы.
Чем он кончится — не секрет.
Завершение рассказа вы
Наблюдаете сорок лет.

Стали земли и воды все
И богатства природы все
Достоянием народа все.
И хоть звался наш бай лисой,
Ничего он от нас не скрыл.
Из аула батрак босой
Тилки-бая перехитрил.

И бесчисленных стад овец,
И пятнадцати стад коней
Был лишен навсегда скупец.
И в сиянии новых дней
Тилки-баю пришел конец.
Его пастбища и поля,
И колодцев его вода,
И чинары,
И тополя —
Стали нашими навсегда.

Хлебом полон теперь сачак
И веселым огнем — очаг.
Чектырме шипит, клокоча,
Зарумянился в миске плов.
Вместо нищенских орача —
Понастроили мы домов.

Между прочим, и этот дом,
Нашим тоем согретый дом,
Пятикомнатный, светлый дом
Вырос там,
Где во тьме угла
Та старуха — исчадь зла —
«Нареченной» себя звала;
Где прекрасная кайтарма,
Солнце ясное — кайтарма —
Мне портянку, белей, чем снег
Подарила,
И с ней — чурек.

Между прочим, она сама
Позабыла о том уже.
Ее имя
Асман-эдже!

Все кричат:
— Поздравляем вас! —
Но не кончен еще рассказ.
Кто-то просит:
— Таймаз, постой,
Что теперь с «нареченной» той?
Где она,
И жива ль она,
Иль уехала вдаль она?

— Нареченной, —
Промолвил дед, —
Слава богу, давно уж нет.
Чуть забрезжил мне жизни свет,
Нареченной простыл и след.

С измененьем судьбы моей
Становилось все хуже ей,
Все больней она,
Все слабей.
Я подшучивал:
— Не робей!
Я ведь резал тебя серпом,
Да не падала ты снопом.
Из кибитки толкал плечом —
Было все тебе нипочем.
До сих пор меня, как беда,
Ты преследовала всегда,
Нескончаемые года
Надо мною держала власть...
И неужто,
Клюкой стуча,
Покидаешь мой орача?..
Ты надолго ли собралась? —
И слышалось:
— Навсегда.

Будет новое здесь жилье,
В нем с тобою мне не житье.
— Что же так? —
Я спросил ее,
И ответила мне она:
— Здесь на смерть я обречена,
Мое имя:
— Б е д н о с т ь .

1957

ЗАБОТА

Поэма о трудовом отпуске,
написанная в трудовом отпуске

Ты в отпуске! Значит, на деле
Используй — свои до конца —
Четыре свободных недели,
Заслуженных в поте лица.
Из царства бездонного лета,
Из края арыков и дынь,
Прохлады отведать — билеты
Бери и лети в Анадырь.
А если не тянет на Север,
От шумных дорог в стороне
Ты можешь на ослике сером
Пожаловать к сельской родне.
А нет — в заявленье по форме,
Сославшись на трудные дни,
К бесплатной путевке в Литфонде
Ладонь или две протяни.
И, спрыгнув с подножки вагонной,
Для восстановления души
Морскими ветрами и горным
Озоном целебным дыши.
Дыши в гамаке или кресле
Садов ароматом густым...
Приятно! Особенно если
Ты числишь себя холостым.

И если, характером пылкий,
Ты сразу со всеми знаком
И туфелька чья-то на шпильке
Спешит за твоим башмаком...
Положим, ты вовсе не холост —
Потомство уже подросло! —
И врать неохота... Но голос
Не слушается
Как назло!
Язык твой противное мелет.
Лгунишку одернуть бы, но —
Ты молод! И разум немеет,
Он с сердцем уже заодно.
Упрямясь, вздыхаешь глубоко,
Но бес тебя тычет под бок:
К лицу одиночество богу,
А ты, слава богу, не бог!

...Приехавший за тишиною,
Я в горы от шума бегу.
Тихи небеса надо мною
И лес на морском берегу.
Тихи очертания синих
Вершин, что за лесом видны...
Я, кажется, даже в пустыне
Такой не встречал тишины.
Пожалуй, любитель особый
В речах привставать на носки,
Своей восхищаясь особой,
Здесь ноги протянет с тоски.
Помянутый словом недобрым,
Сатирой сеченный стократ,
С путевкой любитель подобный
Явился в одну из палат.
Гадать о нем — кто он! — не буду,
По отчеству не величал...

Нигде не приметив трибуны,
Бедняга и впрямь заскучал.
Обед пропускает и ужин,
Легко ли: ходи и молчи!
Беда. Человек занедужил,
Руками разводят врачи.
Худеет земляк, убывает,
Но некому выложить речь.

И тихо опять...

Меж другими,
В печатной строке, на виду
Никто твое грешное имя
Не ставит в привычном ряду.
Друзья в неперменном старанье,
Найдя твой домашний закут,
Под ручку тебя на собрание
В президиум не волокут.
Не слышится голос Ашира ¹,
Хоть дружба его дорога,
Не шлет за тобою машину
С наказом Берды-ага.
По всем проводам и каналам
Редактор Сейтаков Беки
Не взыщет с тебя для журнала
Хотя бы четыре строки.
Не сможет потребовать веско
Министр твой Сейтлиев Кара,
Чтоб не за стихи, а за пьесу
Засел ты пораньше с утра.
Готовый в словесную битву,
Не вынырнет из-за угла

¹ Здесь и далее называются имена известных туркменских писателей Чарота Аширова, Берды Кербабая, Беки Сейтакова и Кара Сейтлиева.

С критической, скажем, дубинкой
Навстречу Оде Абдулла.
Кто ты: оптимист или нытик,
Ленив иль не в меру горяч? —
Решит здесь начальник и критик
Единственный — женщина-врач.

Ей ведомо: кто ты по сути,
С умом ли трудился и жил?
Похвалит она и осудит,
Посадит на строгий режим,
Пропишет рецепт — на здоровье! —
Диету — вкушай от души!
Во всех отношениях условия
Для отдыха тут хороши.
Я радуюсь тихо из дому
Пришедшему вдруг письмецу
С приветом от близких знакомых,
С отчетом семейным — отцу.
С какой разбираю охотой
Каракули детской руки
И сколько ушло на расходы,
И есть ли запасы муки...
Хожу я счастливый и добрый,
В фигуре — и сила и стать.
Казалось, о жизни подобной
Любому бы только мечтать,
Когда и забота не гложет
О строчках, забытых в столе...
Ну что вас, казалось бы, может
Печалить на этой земле?

И все ж меня думы томили —
Настойчиво, из году в год, —
Что в нашем светящем мире
Еще неизменно забот.

В то утро, с бутылкой крошона,
Щедротам дивясь бытия,
Как в зыбке большой камышовой —
В качалке устроился я.
Чтоб, шежась под солнечной лаской,
От жизни совсем не отстать,
Газету, пропахшую краской,
Особенной той, типографской,
В то утро я начал листать.
Вот цифры! Не горе-стишата,
Что лепятся к дате иной, —
Любая из цифр как глашатай
Событий, свершенных страной
В ауле степном и столице,
Во всех своих дальних концах...
Но что там — на третьей странице,
О чем там — на нижних столбцах?
Читаю тревожные строки,
И брови заботой свело:
...В горах наводнение! Потоки
Сквозь дамбу прорвались в село,
Как силы нашествия злого,
Ревет и клокочет вода,
Людей оставляя без крова,
Посевы губя и стада.

Врываются волны в подклети,
Срывают засовы с дверей.
И матери тонут, и дети —
На вздетых руках матерей...
И в горле становится комом,
И ранит чужая беда,
И кажется: здесь, под балконом,
Взъяренная ходит вода.
И кажется: это в обломках
Мое, а не чье-то село,

И кажется: кроху-ребенка
Волной у меня унесло...
Ужели, что смертные тонут,
Не знал ты, полвека прожив?
Но тесно мне в кресле плетеном
И впору, газету сложив,
Сквозь непогоду, через каменья
Бежать, окликать и трести
Веслом, чтобы тотчас, немедля
Всех тонущих где-то спасти...

Очнувшись, тушу сигарету,
Опять за газету берусь.
...Весь холода полный и света,
Рисуется в небе Эльбрус —
В тяжелой ледовой короне,
То ясный, то в снежной пыли,
Заоблачный,
Потусторонний,
Далекий от плоской земли...

Спросить бы его: «Неприступный,
Что видишь с высот? Отзовись!»
Невольно по торным уступам
Душа моя тянется ввысь.
И мне бы, заботы отринув,
Уйдя от людской суеты,
В мгновении неповторимом
Подобной достичь высоты!
И мне бы... Но снова и снова,
Встречая грохочущий день
В цепях тяготенья земного,
Спешу я на Землю людей.
Особая легкость в походке
В подобное утро, когда
Так трепетен голос ольховки,

Звонка и прозрачна вода.
Не в кущах ли этого сада,
Где ветви, как руки, сплелись,
Мелодии Шехерезады
Однажды для нас родились?
О, сказки под сенью гарема,
До первого проблеска дня!
...Но голос ревущей сирены
В мой век возвращает меня.

В течение какого-то мита
Еще я недвижно стою.
Машина проносится мимо,
Расчистив себе колею.
Я вижу огонь на фасаде,
И дым, и бегущий народ...
Забыто о Шехерезаде,
О щебете птичьем, и сами
Несут меня ноги вперед.
Бегу на пожар... И неважно —
Кто спрашивать будет о том? —
Пяти или одноэтажный,
Казенный ли, частный ли дом?
Туда — к языкастой и рыжей
Беде — меня ноги несут.
Останется кто-то без крыши,
Людей из огня не спасут!
Тревога моя не стихает,
Бегу сквозь кусты, по прямой,
Как будто бы дом полыхает
Не где-то, не чей-то, а мой.
Как будто и выбора нету:
Без этого дома — не жить...
Чего бы ни стоило это,
Мы пламя должны потушить!
А как же не будет потушен

Огонь этот, бьющий в лицо,
Когда все теснее и туже
Вкруг дома людское кольцо!
Бушует пожар языкастый...

Но сквозь милицейский кордон
Спасители в робах и касках
С баграми врываются в дом.
И в том поединке жестоком
На улицу — грудой, враскат,
Уже из распахнутых окон
Спускается, валится скарб.
Пожарные — высшая каста —
В дыму, где не видно ни зги,
Бороться!.. Да здравствует каска,
И роба их, и сапоги!
Без этой негнущейся робы,
Что трудь облегла, как броня,
Попробуй-ка, сунься попробуй
В ревущее море огня.
И люди толпятся с опаской:
— В брезенте-то можно, а без...—
Но что это? Парень без каски,
В рубашечке, в пламя полез.
Вот вспыхнет рубаха, и волос
Затлеет, займется... Но вверх
За первым — второй доброволец,
Уже пожилой человек,
Не брата спасти или сына —
Чужую семью из огня.
И в пламя какая-то сила
За ними бросает меня...

Растоптан огонь и потушен,
Чуть вьется последний дымок...
Пожарные — смелые души —

От устали валятся с ног.
Тот лоб расцарапал о раму,
И красная струйка течет.
А тот... Но ожоги и раны
При общей победе не в счет.
Со всеми я рад их величью.
Особенно радуюсь я
Тому, что, хоть малая, птичья,
В победе их — доля моя.

Пускай опоздал я к обеду.
Не дома. Не будут пилить.
Забота моя не об этом, —
Где жажду теперь утолить?
Миражем, картиною дивной,
Вдали, в кучевых облаках,
Мерещится мне холодильник,
Огромный, как облако, шкаф.
Но вот за дорожную бровкой
Сиропы — над стойкою в ряд —
В стеклянном ларьке с газировкой,
Как три светофора горят.
Встречает меня продавщица
Вопросом: — Что будете пить? —
А мне, чтоб досыта напиться,
Мне впору бассейн закупить.

Шагаю я, выпив вишневый
И весь мандариновый сок.
И шепчутся листья, и снова
Ольховки звучит толосок.
Но вновь тишина раскололась:
И тут над аллеей, и там
Гремит в репродукторах голос
Москвы — говорит Левитан.
(Мне вспомнился над Ашхабадом

Твой голос, Довлетов Гельды.)
Звучал этот голос набатом,
Звонящею нотой беды:
—...Израиль напал на Египет!
В сирийской пустыне — война;
Народам несущая гибель,
Агрессия совершена;
Идут самолеты к Синаю...—
И я, незнакомый с войной,
Сжимаюсь, как будто стальная
Армада идет надо мной,
Как будто когтистую лапу
Бездушный захватчик простер
Не где-то, не к землям арабов,
А к Ставрополю, через Босфор.
Как будто на танках горбатых,
Из всех пулеметов строча,
Он рвется сейчас к Апхабаду,
Туркменскую землю топча.
Как будто война у порога,
В песках, на Устюрском плато...

Уже не забота — тревога
Во мне... И тревога — не то,
Не точное слово! Другое
Найти бы... Душа стеснена
Сочувствием, болью и горем...
Душа моя тневом полна!
Я гнев этот, жажду свободы
И пафос боев и работ
Назвал бы Большою заботой,
В отличие от мелких забот.
Сказав мимоходом о мелких
Заботах, признаться готов:
Есть люди еще — недомерки,
Дельцы с кругозором кротов,

Из ранних — поклонники быта...
Глядишь, оперились едва,—
Одною, но туго набита
Заботой у них голова.
И пляшется им и поется,
Считают, что в жизни везет,
Когда задарма удается
Наполнить карман или зоб.

Но, хватит! Я здесь не об этом,—
О том, когда всею душой
Ты — сахарем или поэтом —
Причастен к заботе большой
Не только о счастье аула,
Где матерью мы рождены,
Где встретили первое утро,
Не только о счастье страны,
Прекрасно, когда ты причастен,
С другими в цепочке одной,
К бесстрашной заботе о счастье
Огромной планеты земной.

*

...Из дома с дорожным запасом
На отдых отправившись в путь,
Ты должен, ты даже обязан
От дел отойти, отдохнуть.
У Черного моря не лишним
Ты будешь, лишь бросив за борт
Весь короб служебных и личных,
Домашних и прочих забот.

Свободных четыре недели
Бывают однажды в году.
Но как же не думать о деле,

Забить про чужую беду?!
Я жил и родился свободным,
И дар этот я берегу.
Покудова жив,
Беззаботно
Я жить на земле не могу.

1966

Ю. Гордиенко. О кроне и корнях	3
--	---

Н Е Д Л Я С Е Б Я

«Не для себя земля рождает рожь...» <i>Перевод О. Дмитриева</i>	9
«Скажите, вы, наверно, замечали...» <i>Перевод Ю. Рябикина</i>	10
«Родился человек...» <i>Перевод О. Дмитриева</i>	11
Мать. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	13
Контрасты. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	15
Старик. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	17
Стихи о природе. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	19
Родной человек. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	21
«Он лез по острым граням скал...» <i>Перевод О. Дмитриева</i>	24
У изголовья большой могилы. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	26
Безымянные герои. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	29
Только раз я неправду сказал. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	30
«Когда стоишь ты на земной груди...» <i>Перевод О. Дмитриева</i>	32
«Я на юге человека встретил...» <i>Перевод О. Дмитриева</i>	34
Стихотворение, написанное в день смерти Шаджа Батырова. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	36
«Горы с вершинами вечно седыми...» <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	38
Улыбка моего деда. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	39

Воспоминание. Перевод А. Кронгауза	41
Ысманак. Перевод О. Дмитриева	43
«Воздух горел...» Перевод О. Дмитриева	44
Один голос. Перевод О. Дмитриева	46
О совершенстве. Перевод С. Поликарпова	47
Что нужно поэту. Перевод О. Дмитриева	48
Ответ незнакомому переводчику. Перевод С. Поликар- пова	50
О скромности. Перевод О. Дмитриева	51
Когда б три жизни получил в награду. Перевод Ю. Ря- бинина	52
Цена рассвета. Перевод О. Дмитриева	53
«Когда-то зодчий...» Перевод О. Дмитриева	54
«Восходит человек на эшафот...» Перевод С. Поли- карпова	56
Про весну. Перевод В. Зубарева	57
«... И сыном меня звали...» Перевод А. Кронгауза	59
Дутар. Перевод О. Дмитриева	60
Небольшая анкета, чтобы познать самого себя. Перевод О. Дмитриева	62
Спустя сто лет. Перевод Св. Пименовой	64
Головокружение. Перевод О. Дмитриева	65
Поэма о четырех временах года. Перевод О. Дмитриева	66
«Весной цвели сады...» Перевод И. Михайлова	69
Утешение. Перевод О. Дмитриева	70
Происхождение поэзии. Перевод О. Дмитриева	71
К журавлям. Перевод Св. Пименовой	72
«Лишь на одну десятую едва...» Перевод О. Дмитриева	73
«Когда, мой друг...» Перевод И. Михайлова	74

« А Й Т Е Р Е К »

В память юности нашей. Перевод Ю. Рябинина	77
«Я вижу: ты, мой друг...» Перевод А. Кронгауза	81
Любовь. Перевод О. Дмитриева	82
«Говорил я часам...» Перевод О. Дмитриева	85

Первое свидание. Перевод О. Дмитриева	87
«Всю зиму мной владевшая мечта...» Перевод Вл. Соколова	88
«Айтерек» — есть игра...» Перевод А. Кронгауза	89
«Ну, что за волшебная книга...» Перевод Вл. Соколова	91
«Мы все равны...» Перевод О. Дмитриева	92
В доме творчества. Перевод О. Дмитриева	94
«Вчера я в клубе выступал...» Перевод О. Дмитриева	96
Влюбленный. Перевод О. Дмитриева	98
Неудачник. Перевод А. Кронгауза	99
Элегические признания многодетного поэта. Перевод Ю. Рябикина	101
Тебе. Перевод О. Дмитриева	104

О С К О Л К И

Осколки. Перевод О. Дмитриева ¹	107
1. Слова, услышанные из уст Махтумкули	107
2. Спор друзей	107
3. Гром	107
4. Молоко	108
5. Кредитор и должник	108
6. Витамины	108
7. «Таков издревле белый свет...»	109
8. Как один поэт, написавший книгу рубаи, стал тягаться с Омаром Хайямом	109
9. «Да, ты поэтом настоящим стал...»	109
10. Глаза	110
11. О таланте	110
12. «Иной, народной славы удостоен...»	110
13. «Коль друг твой беркут...»	111
14. «Шутя над этим...»	111
15. Цитата из протокола заседания секции поэзии	111
16. Истинный мужчина	112

¹ «Осколки» №№ 12 и 13 переведены С. Поликарповым

«Кур!» <i>Перевод О. Дмитриева</i>	113
Размышления бездельника на выставке винных изделий. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	114
Обсуждение. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	116
Моя жена. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	118
«Ты можешь целый вечер говорить...» <i>Перевод О. Дмитриева</i>	120
Три случая из жизни Кемине. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	
1. Кемине и пир Эрали	121
2. Кемине и вторая жена	121
3. Кемине и мулла	122
На одном пиру. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	123
Диалог Ахата с Мухатом. <i>Перевод О. Дмитриева</i> . .	126
Изречения моего отца. <i>Перевод О. Дмитриева</i> ¹ . . .	127

П О Э М Ы

Дед Таймаз. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	135
Забота. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	174

¹ Изречение IX переведено С. Пименовой, XI — И Михайловым, XV — С. Поликарповым.

Курбаннепесов Керим.

К93 Ради доброты. Стихотворения и поэмы. Пер. с туркм. Вст. статья Ю. Гордиенко. Оформление Н. Гребневой. М., «Худож. лит.», 1974

192 стр.

Многие произведения лауреата республиканской премии Махтумкули, народного поэта Туркмении Керима Курбаннепесова хорошо известны любителям поэзии по их публикациям в оригинале и в переводах на русский и другие языки.

Книга «Ради доброты» вобрала в себя все лучшее из созданного поэтом за 30 лет работы в литературе и хорошо представляет широту поэтического диапазона ее автора, сказавшего однажды о своем герое:

Он был добрее всех других,
Но ради доброты
Гремел его колючий стих
В лицо неправоты...

К 70403-070
028(01)-74 123-74

С(Туркм)2

Керим Курбаннепесов

РА Д И Д О Б Р О Т Ы

Редактор А. М а р у с и ч

Художественный редактор

В. Г о р я ч е в

Технический редактор

Т. Т а р ж а н о в а

Корректоры

А. М а т ю ш и н а

и И. Ф и л а т о в а

Сдано в набор 26/VII-1973 г. Под-
писано в печать 11/XII-1973 г.
Бумага типогр. № 1. Формат
 $70 \times 108 \frac{1}{32}$ 6 печ. л. 5,89+1 вкл.=
=5,938 уч. изд. л. 8,4 усл.-печ. л.
Заказ 4145. Цена 61 коп.

Издательство «Художественная
литература». Москва, Б-66,
Ново-Басманная, 19.

Московская типография № 5 Со-
юзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете Совета Мини-
стров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, Мало-Московская, 21.

